

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

1876.

АРСЕНІЙ МАЦІЕВИЧЪ, МИТРОПОЛИТЪ РОСТОВСКІЙ

(По поводу XXV-го тома «Исторіи Россіи» г. Соловьева).

въ 1762—1763 гг.

«Общественные идеалы не выдумываются и не навязываются; они складываются сами собою, вырабатываясь постепенно историческою жизнью народа и передаются от одного поколѣнія другому безчисленными путями живаго преданія».

Изъ одного предисловія.

I.

О личности Арсенія Мацѣевича и его знаменитомъ дѣлѣ у насъ писано довольно. Починъ разработки этого интереснаго эпизода въ нашей церковной исторіи принадлежитъ И. А. Чистовичу, который, на основаніи документовъ государственнаго архива, первый изложилъ въ общихъ чертахъ, какъ біографію Арсенія, такъ и все дѣлопроизводство, возникшее въ св. синодѣ по поводу его „доношеній“. Почтенный ученый ограничился впрочемъ лишь документальнымъ изложеніемъ дѣла, съ точки зрѣнія официальныхъ актовъ, бывшихъ у него подъ руками. Поэтому трудъ его вызвалъ дополнительное изложеніе фактовъ и критическія замѣчанія извѣстныхъ нашихъ историковъ: гг. Соловьева, покойнаго М. П. Погодина, графа М. Толстаго и другихъ (замѣчанія эти напечатаны въ газетѣ „День“, гдѣ помѣщено и изслѣдованіе г. Чистовича). Нѣсколько позже, въ „Чтеніяхъ московскаго общества исторіи и древностей“ напечатанъ и самый текстъ знаменитаго перваго „доношенія“ преосвященнаго Арсенія св. синоду. Наконецъ, въ прошедшемъ году, въ „Православномъ Собесѣдникѣ“ напечатаны „Чтенія изъ русской церковной исторіи за время царствованія Екатерины II“ г. Знаменскаго, въ которыхъ почтенный профессоръ, пріобрѣтшій въ нашей духовной литературѣ вполне заслуженную извѣст-

ность своими капитальными трудами по исторіи русской церкви, посвящаетъ нѣсколько главъ разсказу о секуляризаціи церковныхъ и монастырскихъ имуществъ при Екатеринѣ II и о „протестѣ“— какъ называетъ онъ „доношенія“ Арсенія— противъ этой мѣры со стороны ростовскаго митрополита. Авторъ Чтеній сгруппировалъ массу фактическихъ подробностей, разбросанныхъ въ документальныхъ данныхъ. обнаруженныхъ дотоле, и освѣтилъ свой оживленный разсказъ комментаріями съ своей точки зрѣнія.

Но во всѣхъ этихъ статьяхъ сторона біографическая и анекдотическая играетъ болѣе важную роль, чѣмъ самое дѣло Арсенія, и документальное изложеніе въ нихъ имѣетъ мѣста лишь настолько, насколько оно, по понятіямъ авторовъ, необходимо для характеристики Арсенія, которому исключительно одному приписывается, въ качествѣ не то эксцентрика, не то фанатика и человѣка безпокойнаго, все дѣло. Мы поэтому съ нетерпѣніемъ ожидали появленія въ свѣтъ XXV-го тома „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ“ г. Соловьева. въ которомъ почтенному московскому ученому, при изложеніи первыхъ годовъ царствованія Екатерины II, предстояло подвести итогъ всему, что писано дотоле о дѣлѣ Арсенія и произнести свой, если не окончательный, то во всякомъ случаѣ компетентный приговоръ историка. изрекающаго свои вердикты *sine ira et studio*, отрѣшившись отъ всякой тенденціи и предвзятой мысли. Съ появленіемъ въ прошедшемъ году означеннаго тома, наши ожиданія оправдались, но не вполне: мы боимся, что читатель не будетъ удовлетворенъ ни тѣмъ освѣщеніемъ. какое даетъ г. Соловьевъ излагаемымъ имъ фактамъ, ни тѣмъ окончательнымъ заключеніемъ по этому дѣлу, къ какому онъ приходитъ по изложеніи всѣхъ его подробностей. Мы хотимъ предложить здѣсь съ своей стороны, нѣсколько дополнительныхъ замѣчаній и свѣдѣній. руководясь, главнымъ образомъ, подлиннымъ архивнымъ дѣломъ объ Арсеніѣ Мацѣвичѣ, которое, какъ намъ кажется, г. Соловьевъ не исчерпалъ со всею тою полнотою и съ тѣмъ вниманіемъ, какихъ оно заслуживало въ интересѣ изученія замѣчательной личности Арсенія и его еще болѣе замѣчательнаго дѣла.

II.

О личности Арсенія почтенный историкъ не нашелся сказать что-либо хорошее. Отсылаясь скудостію біографическихъ свѣдѣній о знаменитомъ ростовскомъ митрополитѣ, онъ приводитъ въ своемъ разсказѣ о немъ лишь такіе штрихи и детали, которые рисуютъ Арсенія въ некрасивомъ свѣтѣ. „Арсеній,—такъ начинается г. Соловьевъ свой

трактатъ о его дѣлѣ,—не былъ похожъ ни на одного изъ двухъ главныхъ представителей ученой дружины малороссійскихъ монаховъ, которые начали вызываться въ Великую Россію при Петрѣ I-мъ, не имѣлъ ни высокихъ духовныхъ стремленій св. Дмитрія Ростовскаго, ни ловкости, уклончивости, умѣнія жить—Феофана Прокоповича. Онъ отличался отсутствіемъ сдержанности, болѣзненною раздражительностію, которая вела его къ очень неприятнымъ стокновеніямъ“ (стр. 245 и слѣд.). Арсенія, далѣе, компрометируетъ, въ глазахъ историка, то обстоятельство, что до самаго воцаренія Елисаветы Петровны, „онъ былъ въ постоянной опалѣ, его удаляли изъ столицы, отъ высшихъ степеней іерархіи, послали въ камчатскую экспедицію“.

Намъ кажется не историчною такая постановка сужденія объ исторической личности. По прочтеніи этихъ строкъ, у простодушнаго читателя-профана естественно возникаетъ вопросъ: ужели въ самомъ дѣлѣ таковъ идеалъ историческаго дѣятеля, какимъ рисуетъ его въ этихъ словахъ г. Соловьевъ? Ужели историческому дѣятелю, для того, чтобы историкъ призналъ его историческое значеніе и заслуги и удостоилъ его болѣе или менѣе благосклоннаго отзыва, нужно непременно подражать кому-либо изъ своихъ предшественниковъ, тѣмъ болѣе — „отличаться уклончивостію, ловкостію, умѣніемъ жить“, разумѣя подъ этимъ послѣднимъ терминомъ тѣ способы пріобрѣтенія общественнаго положенія, которые обыкновенно практикуются въ эпоху упадка народовъ и ихъ нравственнаго разложенія? Какъ же, послѣ этого, думать о тѣхъ герояхъ исторіи, которымъ обязана своимъ поступательнымъ движеніемъ человѣческая мысль, къ которымъ созидалось грандіозное зданіе общечеловѣческой и христіанской цивилизаціи,—которые не склоняли своей гордой головы ни предъ какими кумирами и, конечно, не почему иному, какъ по этой причинѣ, нерѣдко сходили въ могилу непризнанные въ своихъ заслугахъ для государства и человѣческаго общества? Какъ будетъ судить г. Соловьевъ о тѣхъ благороднѣйшихъ представителяхъ челоѣчества, которыхъ, по выраженію апостола, не былъ достоинъ весь міръ, и которые, однако-жъ, скитались въ пустыняхъ и вертепахъ и въ пропастяхъ земныхъ—скорбяще, озлобленны, въ милотяхъ и козихъ кожахъ? „Отсутствие сдержанности, болѣзненная раздражительность! Уклончивость, ловкость, умѣние жить!“ Выходитъ, по г. Соловьеву, что

«Притворствоватъ предъ оглашеннымъ свѣтомъ
Намъ иногда духовный долгъ велитъ,»

какъ поучаетъ у Пушкина одинъ почтенный pater. Это-ли мораль исторіи, которая, по выраженію незабвеннаго Н. М. Карамзина, „должна

быть священной книгой народовъ, скрижалю откровеній и правилъ, завѣтомъ предковъ потомкамъ, дополненіемъ и изъясненіемъ настоящаго, примѣромъ для будущаго?“ Наконецъ, вотъ мораль, которую преподааетъ пастырю и служителю церкви слово Божіе: „ты же злопостражди, яко добръ воинъ Іисусъ Христовъ“, пишетъ апостолъ Павелъ Тимоѳею. Что, если въ душѣ Арсенія дѣйствительно таились „сѣмена небесной благодати“, не той іезуитской благодати, о которой говоритъ вышеупомянутый pater, а благодати дѣйствительной, той, которая, по ученію священнаго писанія, преподается пастырямъ Христа стада въ таинствахъ священства, и Арсеній въ своей дѣятельности не былъ ничѣмъ инымъ, какъ только добросовѣстнымъ исполнителемъ долга своего званія? Вотъ вопросъ, которымъ, по нашему мнѣнію, можно и должно было задаться историку, коль скоро онъ рѣшился произнести свое сужденіе объ Арсеніѣ и его дѣлѣ, и проштудировать съ этой точки зрѣнія біографію Арсенія было бы, по нашему мнѣнію, въ высшей степени поучительно.

„Извѣстія о жизни его (Арсенія),— говоритъ далѣе г. Соловьевъ.— отличаются краткостію и темнотою“. Это правда, хотя не до такой степени, какъ кажется почтенному историку. Въ синодальномъ архивѣ сохранилось, между прочимъ, біографическое показаніе Арсенія, данное имъ въ 1739 году, очевидно неизвѣстное г. Соловьеву, хотя оно уже напечатано г. Григоровичемъ въ „Ярославскихъ (и перепечатано въ Киевскихъ) епархіальныхъ вѣдомостяхъ“.

Но если біографическія свѣдѣнія объ Арсеніѣ, дошедшія до насъ, и не настолько подробны, насколько это было бы желательно, за то не много можно найти въ нашей исторіи личностей, нравственная фizioномія которыхъ и характеръ ихъ стремленій были бы до такой степени ясны и опредѣленны, а вмѣстѣ съ тѣмъ, съ точки зрѣнія безпристрастной объективной исторіи, столь почтенны, какъ нравственная фizioномія и характеръ стремленій Арсенія Маціевича. Въ самомъ дѣлѣ, въ ту злополучную и позорную для русскаго государства эпоху его исторіи, когда господствующее въ государствѣ вѣроисповѣданіе русскаго народа было преслѣдуемо и гонимо, Арсеній является энергическимъ и замѣчательно компетентнымъ борцомъ за дѣло православія, объ руку съ приснопамятнымъ исповѣдникомъ православія Теофилактомъ Лопатинскимъ. Литературная дѣятельность его открывается блестящей апологіей „Камня Вѣры“ противъ пасквила лютеранскаго на этотъ трудъ Стефана Яворскаго ¹⁾. Далѣе слѣдуетъ

¹⁾ Объ этомъ сочиненіи см. «Обзоръ русс. дух. литературы Фитарга Черниговскаго». книга 2-я, стр. 85 и слѣд.

весьма тяжеловѣсный, по справедливости столь высоко цѣнимый въ нашей противораскольнической литературѣ полемическій трудъ его: „Дополненное обличеніе отвѣтовъ выгорѣдскихъ пустосвяттовъ, данныхъ іеромонаху Неофиту“¹⁾). Затѣмъ заслуживаетъ вниманія рядъ докладовъ, подробно и съ замѣчательною ученостію изложенныхъ: о лучшемъ устройствѣ синодальнаго управленія церкви (докладъ этотъ составленъ и поданъ императрицѣ Елисаветѣ Арсеніемъ вмѣстѣ съ Амвросіемъ Юшкевичемъ), о формѣ присяги для духовенства и архіереевъ, доклады св. синоду по поводу проекта отобранія монастырскихъ и церковныхъ имѣній въ казну: для того времени это цѣлая духовно-юридическая литература. Затѣмъ, въ патріотическое царствование императрицы Елисаветы, Арсеній занимаетъ одно изъ видныхъ мѣстъ въ той блестящей плеядѣ проповѣдниковъ-публицистовъ, къ числу которыхъ принадлежатъ Амвросій Юшкевичъ, Кирилль Флоринскій, архимандритъ Владиміръ Каллиграфъ и самъ Дмитрій Сѣченовъ. Наконецъ, по удаленіи въ Ростовъ, онъ занимается неустанно проповѣдываніемъ слова Божія своей паствѣ, организаціей духовнаго образованія въ епархіи, полемикой съ расколomъ. Двѣнадцать толстыхъ рукописныхъ томовъ²⁾ его проповѣдей и замѣтокъ разнаго содержанія представляютъ весьма краснорѣчивое свидѣтельство о весьма почтенныхъ его трудахъ и на этомъ поприщѣ. Это-ли „недостатокъ высокихъ духовныхъ стремленій св. Димитрія“, въ которомъ обвиняетъ Арсенія г. Соловьевъ?

Въ лицѣ Арсенія, во всякомъ случаѣ, предъ нами является величавый образъ представителя міровоззрѣнія, органически-развившагося

¹⁾ Объ этомъ сочиненіи см. «Православный Собесѣдникъ» 1861, т. 3-й.

²⁾ Рукописи эти составляютъ собственность библиотеки Ярославской духовной семинаріи, куда поступили, вмѣстѣ съ библіотекой Арсенія, послѣ его осужденія и ссылки. Изъ двѣнадцати томовъ сохранилось, впрочемъ, только одиннадцать, такъ какъ первый томъ этого собранія утраченъ (по крайней мѣрѣ намъ не былъ доставленъ). Проповѣди Арсенія всѣ почти не обработаны, не имѣютъ надлежащей гомилетической формы и вполне литературной отдѣлки: это, большею частію, рядъ набросковъ, конспектовъ и выписокъ изъ св. писанія и твореній святоотеческихъ. Но, при всемъ томъ, изъ нихъ вполне видно, что и въ дѣлѣ проповѣди Арсеній сталъ на новую дорогу сравнительно со своими предшественниками: вмѣсто схоластическаго построенія, онъ даетъ въ нихъ образцы здоровой катехизаціи, вмѣсто разныхъ анекдотическихъ подробностей изъ исторіи гражданской и апокрифическихъ разсказовъ изъ исторіи церковной и свѣдѣній изъ средневѣковыхъ bestiaries, которыми думали придавать интересъ своей проповѣди его предшественники, онъ даетъ чистое ученіе церкви, изложенное въ твореніяхъ святоотеческихъ, какъ этого требовалъ и Теофанъ Прокоповичъ въ своемъ регламентѣ, хотя въ проповѣднической практикѣ знаменитый іерархъ далеко не осуществлялъ этихъ требованій. Н. В.

изъ общенародныхъ убѣжденій и вѣрованій — мировоззрѣнія, которое, что бы о немъ ни говорили въ настоящее время, по нашему мнѣнію, неизмѣримо выше, чѣмъ то, которымъ временно увлекалась умная Екатерина въ тотъ періодъ своего царствованія, къ которому относятся послѣдніе годы дѣятельности Арсенія. Предъ нами — вождь и глава почтенной и во многихъ отношеніяхъ весьма симпатичной старорусской патріотической партіи, человекъ самоотверженно и безкорыстно предавшійся обязанностямъ своего священнаго служенія, замѣчательно умный и ученый, свершающій подвигъ, предъ тяжестью котораго малодушно отступила дѣлая его корпорація, человекъ, ни разу не измѣнившій своему ясно сознанному идеалу, ни разу не поступившійся своими убѣжденіями ни предъ какими соблазнами и страхами. Существуетъ преданіе, что въ револьской тюрьмѣ Арсеній начертилъ углемъ на стѣнѣ: „благо мнѣ, яко смирилъ мя еси“. Но самъ г. Соловьевъ не признаетъ этого преданія достовѣрнымъ: по его мнѣнію, послѣдними словами Арсенія предъ смертію было: „я и теперь утверждаю, что имущества отъ церкви отнимать не слѣдовало“ (стр. 256).

III.

„Но пусть, скажутъ, личность Арсенія сама въ себѣ почтенна и даже симпатична; не право было то дѣло, которому послужить съелъ себя призваннымъ Арсеній“. Такъ, повидимому, думаетъ и г. Соловьевъ: онъ прямо говоритъ, что при Екатеринѣ „вопросъ (о монастырскихъ имуществахъ) не могъ уже быть рѣшенъ такъ, какъ былъ рѣшенъ въ XV-мъ столѣтіи, и Арсеній палъ потому, что въ XVIII столѣтіи защищалъ мнѣніе Іосифа Волоцкаго“. Мы не имѣемъ намѣренія входить здѣсь въ подробное разсужденіе по этому предмету; но не можемъ, однако-жъ, не замѣтить, что едва-ли можно согласиться съ почтеннымъ историкомъ, если судить о дѣлѣ, не говоримъ уже съ точки зрѣнія искони дѣйствовавшаго въ православной церкви каноническаго права (см. кн. Дѣяній апост., гл. IV, Правила апост. 38 и 41, 7-го вселен. соб. прав. 13-е и др.), которое было одно и то же, какъ во времена Іосифа Волоцкаго, такъ и въ царствованіе Екатерины II, но и съ точки зрѣнія права государственнаго, по которому, намъ кажется, государство не могло отчуждать въ свою пользу церковную собственность, не отмѣнивъ нѣкоторыхъ, дѣйствовавшихъ тогда, какъ и въ настоящее время, органическихъ законовъ, а также законовъ гражданскихъ, по которымъ имущества, жертвуемая частными лицами въ пользу извѣстныхъ общественныхъ учрежденій съ опредѣленнымъ назначеніемъ, считаются неприкосновенными и воля жертво-

вателя ненарушимою. Монастырскія и церковныя имущества образовались изъ добровольныхъ даяній, главнымъ образомъ, частныхъ лицъ, благочестиваго православнаго люда, который, жертвуя свои трудовыя копяки Богу и алтарю, конечно, не имѣлъ въ виду, чтобы ими воспользовался кто-нибудь другой для какихъ-либо другихъ цѣлей. „Вѣрное государственное право,—справедливо замѣчаетъ покойный преосвященный Филаретъ Черниговскій—не отнимаетъ ни у кого правъ собственности“¹⁾. Съ этой точки зрѣнія не правъ-ли былъ Арсеній, когда говорилъ: „узникъ и послѣдній богадѣленный — лучший и счастливѣйшій (чѣмъ духовенство), понеже что кто ему даетъ, свободенъ въ томъ имѣется?“ Да это какъ нельзя лучше сознавала и сама императрица Екатерина. Въ указѣ, изданномъ въ августѣ 1762 года, критикуя постановленіе своего предшественника объ отобраніи монастырскихъ имѣній въ казну, она ставитъ ему въ вину именно то, что въ его глазахъ „надобность состояла только въ томъ, чтобы отобрать у духовныхъ имѣнія, а чтобы осмотрительныя взять мѣры о порядочномъ, какъ для церкви и духовнаго чина безъобидномъ, такъ и для отечества полезномъ управленіи, о томъ и не думано“. „Съ большимъ увѣреніемъ сказать можемъ, что мы вовсе удаленныя мысли и сердце имѣемъ отъ собственной нашей корысти въ строеніи дѣла Божія. Не имѣемъ мы намѣренія и желанія присвоить себѣ церковныя имѣнія, но только имѣемъ данную намъ отъ Бога власть предписывать законы о лучшемъ ихъ употребленіи во славу Божію“. Такимъ образомъ, по первоначальной мысли императрицы, церковныя имѣнія нуждались въ лучшемъ управленіи и въ болѣе цѣлесообразномъ употребленіи, а не въ отчужденіи ихъ отъ церкви въ распоряженіе государства: они должны были оставаться собственностію церкви. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что мысль объ отчужденіи монастырскихъ имуществъ въ пользу государства возникла внѣ всякой связи съ дѣйствительными органическими потребностями государства и съ складомъ русской государственной жизни, явилась совершенно случайно, подъ вліяніемъ увлеченія модною въ то время теоріей запада, имѣвшаго надобность сокрушать сильный тамъ клерикализмъ, котораго Россія никогда не знала. Въ данномъ случаѣ мѣра эта тѣмъ менѣе имѣла основаній, что со временъ Петра въ Россіи церковь служила уже государству болѣе, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ, и личнымъ трудомъ духовенства, приходскаго и монашества, выносившаго на своихъ плечахъ, согласно узаконеніямъ и распоряженіямъ Петра, все дѣло народнаго образованія въ то время,

¹⁾ «Обзоръ русс. дух. литературы», кн. 2-я, стр. 90.

и матеріальными своими средствами, содержа при монастыряхъ богадѣльни для инвалидовъ и больницы. Такъ изъ дѣла объ Арсеніѣ мы, между прочимъ, узнаемъ, что съ Спасскаго Ярославскаго монастыря находившагося въ его епархіи, имѣвшаго 14,000 душъ крестьянъ, въ экономическую канцелярію ежегодно вималось 3,000 р., а на содержаніе монастыря съ монахами оставлено было только 900 р. Кроме того, монастырь содержалъ на свой счетъ 71 человекъ инвалидовъ, на которыхъ расходовалъ 780 р. деньгами, да 240 четвертей хлѣба. Наконецъ, отнятіе отъ монастырей крестьянъ имѣло бы еще нѣкоторый смыслъ, если бы Екатерина задумала уничтожить крѣпостное право повсемѣстно въ Россіи; но, бывъ уничтожено по отношенію къ духовенству, оно, какъ извѣстно, въ отношеніи дворянства не только осталось неприкосновеннымъ, но и еще большую возымѣло силу со времени отобрація имуществъ отъ монастырей.

IV.

Но, можетъ быть, будучи правъ въ своихъ воззрѣніяхъ, Арсеній не былъ легаленъ въ способахъ проведенія этихъ воззрѣній въ сознаніе своихъ сослужителей, засѣдавшихъ въ синодѣ, въ своемъ образѣ дѣйствій? Посмотримъ. Въ то время, когда Арсеній писалъ свое поворѣйшее доношеніе св. синоду, отобраніе монастырскихъ имѣній въ казну не было еще совершившимся фактомъ, санкционированнымъ державною волею императрицы, въ формѣ законодательнаго акта. Этотъ актъ, въ видѣ утвержденнаго императрицей доклада комисіи о церковныхъ имуществахъ, состоялся лишь 24-го февраля 1764 года, а доношенія Арсенія писаны цѣлымъ годомъ раньше этого событія, именно 6-го и 15-го марта 1763 г. Въ это время вопросъ находился еще въ томъ нерѣшительномъ положеніи, когда со стороны лицъ призванныхъ и компетентныхъ слышались голоса лишь совѣщательные относительно лучшаго благоустройства церковныхъ имуществъ, о введеніи контроля надъ ихъ употребленіемъ духовенствомъ, для чего учреждена была комисія, которая, по смыслу данной ей императрицей инструкціи, не имѣла другой цѣли, какъ только приведеніе въ ясность положенія церковныхъ имуществъ, и съ этою цѣлію выработала формы, по которымъ производилась ихъ опись, и затѣмъ выдала церквамъ и монастырямъ шнуровыя приходорасходныя книги. Въ заключеніе инструкціи, данной комисіи, императрица, какъ и въ первомъ своемъ указѣ, утверждала, что правительство желаетъ только одного, именно, чтобы имущество церковное обращено было на дѣло Божіе, на утвержденіе благочестія: „Ибо мы собственно

своей въ томъ никакой пользы не ищемъ, и не намъ, но имени Божию служить стараемся" ¹⁾). Всѣ пункты инструкции комиссія не должна была считать за обязательный для себя законъ, все рѣшеніе дѣла предавалось на „полное благоизобрѣтеніе“ самой комиссіи, „съ тѣмъ, что она власть имѣетъ или нашему мнѣнію послѣдовать, или что лучшее еще для блага народнаго придумаетъ“. Сама императрица охотно выслушивала разнообразныя сужденія по дѣлу, между прочимъ, милостиво приняла совершенно однородныя по предмету съ доношеніями Арсенія св. синоду прошенія нѣсколькихъ епархіальныхъ преосвященныхъ, поданныя ей чрезъ синодъ, „о возвращеніи церкви ея достоинства, неправильно отъ нея отнятаго.“ Мы не имѣемъ подъ руками этихъ прошеній, но о нихъ ясно упоминается въ указѣ императрицы отъ 12-го августа 1762 г. Такимъ образомъ, намъ кажется, подача Арсеніемъ въ св. синодъ доношенія, въ которомъ старѣйшій по лѣтамъ и по сану іерархъ русской церкви высказывался по дѣлу, въ высшей степени важному для церкви, нисколько образомъ не можетъ быть признана закононарушеніемъ и противленіемъ державной волѣ, какъ это нашелъ Сѣменовъ съ товарищами. Арсеній шелъ по проложенному пути, пути вполне легальному, освященному столь недавно практикой, когда представилъ св. синоду, своему непосредственному начальству, свое поворнѣйшее доношеніе, въ которомъ, по долгу присяги и согласно точному смыслу подлежащихъ параграфовъ духовнаго регламента, доводилъ до его свѣдѣнія объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ описываніе монастырскихъ и церковныхъ имуществъ офицерами и предлагалъ на его благоусмотрѣніе свои соображенія по всему этому дѣлу. Къ подачѣ своего голоса по этому дѣлу Арсеній былъ побуждаемъ и успѣхомъ своихъ прежнихъ опытовъ въ этомъ родѣ. По словамъ самого г. Соловьева (стр. 255), онъ подавалъ еще императрицѣ Елисаветѣ подобное же доношеніе, и оно имѣло полный успѣхъ: тогда остановились приведеніемъ въ исполненіе мѣры, подобной той, какую предприняла теперь Екатерина. Точно также первый указъ Екатерины по этому дѣлу, отъ 12-го августа 1762 года, отмѣнявшій законъ Петра III, написанъ, можно сказать, почти подъ диктовку Арсенія, вслѣдствіе письма его къ Бестужеву - Рюмину, содержаніе котораго было передано этимъ послѣднимъ Екатерианѣ. Когда Екатерина вступила на престолъ, замѣнивъ собою существовавшій дотогдѣ голштинскій режимъ, все обѣщало, что ея внутрен-

¹⁾ Всѣ эти указы напечатаны въ Полномъ собр. законовъ. Подробныя выдержки изъ нихъ см. въ «Чтеніяхъ» г. Знаменскаго—«Православный Собесѣдникъ» 1875 г., февраль. Н. В.

ная политика будетъ національно-патріотическая, въ духѣ Елисаветы. Въ этомъ смыслѣ, какъ мы отчасти видѣли, императрица съ особенною настойчивостію высказывалась въ своихъ первыхъ манифестахъ и указахъ. Какъ могъ угадать Арсеній, сидя въ отдаленномъ Ростовѣ, неискренность этихъ столь категорическихъ заявленій императрицы, какъ ему было предугадать этотъ внезапный поворотъ въ ея образѣ мыслей — если признаемъ заявленія его манифестовъ искренними — когда ни того, ни другаго не могъ предусмотрѣть мужъ совѣта, искусившійся въ придворныхъ нравахъ, давній приближенный государыни, Бестужевъ-Рюминъ, не усумнившійся довести до ея свѣдѣнія содержаніе доношеній Арсенія и потерпѣвшій такой неожиданный афронтъ въ заступничествѣ за него? Очевидно, не одинъ Арсеній думалъ, что мысль объ отобраніи монастырскихъ имѣній въ казну не есть мысль императрицы, а лишь нѣсколькихъ лицъ изъ ея приближенныхъ.

Наконецъ, что всего важнѣе, въ дѣлѣ Арсенія имѣются положительныя и несомнѣнныя документальныя доказательства того, что, выступая съ своими „доношеніями“, Арсеній отнюдь не думалъ расходиться съ видами и намѣреніями императрицы и противиться ея волѣ. Документы эти не даромъ обойдены молчаніемъ какъ со стороны обвинительнаго акта противъ Арсенія, редижированнаго тогдашнимъ оберъ-секретаремъ св. синода Остолоповымъ, такъ и со стороны почтеннаго нашего историка г. Соловьева. Дѣло въ томъ, что прежде, чѣмъ отправлять свои доношенія своему начальству, во все время до своего ареста, Арсеній не терялъ надежды и лично объясниться съ императрицей по вопросу, который такъ существенно затрогивалъ интересы церкви. Въ то время, какъ Екатерина, по ея собственному выраженію въ письмѣ къ Олсуфьеву, „умирала-боялась“, чтобы ростовскій митрополитъ „новой раки чудотворцу Димитрію безъ нея не поставилъ“, Арсеній съ мучительнымъ нетерпѣніемъ ждалъ прибытія ея въ Ростовъ по этому случаю и въ этомъ ожиданіи дѣлалъ всѣ необходимыя приготовленія, надѣясь своимъ образомъ дѣйствій и всѣмъ поведеніемъ въ присутствіи государыни уничтожить существовавшее въ ней убѣжденіе въ его „бѣшенствѣ“. Между московскими корреспондентами Арсенія былъ нѣкто Алексѣй Ярославцевъ, директоръ какого-то присутственнаго мѣста, человѣкъ очень либеральнаго образа мыслей: въ письмахъ къ Арсенію онъ выражается, что указъ 8-го января даетъ поводъ дворянамъ своевольничать, что „духовенству нѣкоторые не уповаютъ быть въ покоѣ“, что „дворянство необузданное забыло, что—умереть, а помнить, что надлежитъ править и владѣть вотчинами не духовенству, а дворянству“. Вотъ что, между прочимъ, писалъ Арсеній этому Ярославцеву. „Извѣстно намъ о рацѣ чудотворца Димитрія: однако

позже по пути въ Москву везется, то ей въ Москвѣ и быть, а послѣ надѣяться — и въ Ростовъ прибудетъ“. „Здѣсь слышно, будто въ походъ готовится велико, а куда — никто не знаетъ, потому, думаю, не изволится (т. е. императрица) въ Ростовъ въ постъ святой“. „Что касается о прибытіи въ Ростовъ ея величества, то развѣ весною или лѣтомъ надѣяться, а теперь въ постъ и неизвѣстно и ненадежно“. „Здѣсь уже съ надеждою поговариваютъ, что ея величество въ Москвѣ чудотворцу Димитрію приготовленную раку изволила смотрѣть, и выговорила ѣхать нынѣ въ Ростовъ. А слышалъ отъ берхъ-коллегии президента, господина Шлатера, подъ его смотрѣніемъ и рака послана, потому онъ и знаетъ“. „Здѣшній воевода Протасевъ ѣздилъ въ Москву, и, оттуда возвратившись въ Ростовъ сего января 14-го числа, сказывалъ намъ, что сдѣланная святителю рака серебряная въ Москву привезена“. „Здѣсь поговариваютъ, будто рака чудотворца Димитрія въ Ростовъ съ Москвы отправлена и для установленія на мѣсто ея, гдѣ надлежитъ, посланы двое подмастерьевъ. Правду ли разглашаютъ?“ „Здѣсь народъ поговариваетъ, что лѣтомъ суди ожидать прибытія (т. е. императрицы), а кому о томъ надлежитъ знать — тѣ персоны не утверждаютъ. Еще и триумфальныхъ воротъ для прибытія не зачинаютъ дѣлать. Впрочемъ, и масляница здѣсь тихо прошла, а народъ гуляющій отъ большихъ морозовъ спокойно масляницу провожали“. Столь нетерпѣливыя ожиданія пресвященнаго Арсенія не сбылись. Зная „бѣшенство ростовскаго владыки“, какъ выражалась императрица въ упомянутомъ письмѣ къ Олсуфьеву, она посѣтила Ростовъ не прежде, какъ Арсеній былъ уже осужденъ. Очевидно, между Арсеніемъ и императрицей существовали недоразумѣнія, поселенныя противниками Арсенія; императрица была восстановлена противъ ростовскаго владыки и ему не было оставлено никакихъ способовъ выяснитъ свой образъ мыслей и чувства по отношенію къ державной власти. Самъ Арсеній, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Ярославцеву, источникъ этихъ недоразумѣній указываетъ въ недоброжелательствѣ къ нему тогдашняго состава св. синода, который боялся, что, послѣ личныхъ объясненій съ императрицей, Арсеній будетъ допущенъ до присутствія въ св. синодѣ. „По какой причинѣ, — пишетъ Арсеній, искали моея присяги¹⁾, нынѣ отчасти открылося: надѣялись, что я во время коронаціи въ Москвѣ буду и хотѣли до присутствія

¹⁾ Т. е. присяги, данной Арсеніемъ при посвященіи въ архіереи. При этой присягѣ, какъ увидимъ ниже, Арсеній позволилъ себѣ нѣкоторую вольность, именно къ обычной ея формулѣ прибавилъ отъ себя нѣсколько словъ. Это, какъ сказано будетъ ниже, было однимъ изъ поводовъ къ данному св. синодомъ Арсенію выговору.

въ синодѣ не допустить. И такъ-то потому явилось ко мнѣ довольно ихъ доброхотство. Сколько времени злоба торжествуетъ, и мнѣ бы не прилично злобу простирать, а святымъ людямъ и мыслить не довлѣетъ; развѣ кому мѣста жаль, тѣ старались не допустить. Да разумно, что и не поѣхалъ: Богъ съ ними". Только теперь, потерявъ всякую надежду объясниться съ императрицей лично, Арсеній пишетъ свое доношеніе, въ надеждѣ, что „если ея величеству обстоятельно о церкви Божіей и о нынѣшнемъ ея ослобленіи его святѣйшество святѣйшій синодъ изволитъ предложить, государыня все-милостивѣйшая не оставитъ церкви, какъ говорится въ доношеніи,— а одновременно съ доношеніемъ и двѣ копіи съ него—духовнику императрицы, протоіерею Дубянскому, и Бестужеву-Рюмину, при письмахъ, въ которыхъ просилъ ихъ, что когда о оной матеріи отъ св. синода ея императорскому величеству представлено будетъ, то-бы тогда и оную копію ея величеству представить же". Мы считаемъ излишнимъ излагать здѣсь содержаніе доношенія; замѣтимъ лишь, что, отстаивая право церквей и монастырей на неприкосновенность ихъ имуществъ, Арсеній твердо стоитъ на почвѣ каноническаго права, что нигдѣ въ немъ не видно ни малѣйшаго неуваженія къ державной волѣ и власти императрицы, и все доношеніе имѣетъ характеръ не памфлета, а полемическаго ученаго трактата, направленнаго противъ тѣхъ представленій, по которымъ нослѣдовали указы и „въ чаяніи томъ, какъ объяснилъ Арсеній на допросѣ, что какъ тѣ представленія не отвержены, такъ и его представленіе отвержено не будетъ“.

Моментъ былъ слишкомъ важенъ, дѣло шло о нарушеніи одного изъ основныхъ правъ церкви, и, повторяемъ, мы не видимъ ничего законопреступнаго въ томъ, что одинъ изъ болѣе видныхъ представителей іерархіи, правильно, или, какъ думало большинство, не правильно отстраненный отъ непосредственнаго участія въ высшемъ церковномъ управленіи, пишетъ св. синоду доношеніе, въ которомъ напоминаетъ своимъ сослужителямъ, во имя священнѣйшихъ интересовъ церкви и ихъ непремѣннѣйшихъ обязанностей, о долгѣ ихъ званія.

V.

Наконецъ, можетъ быть, будучи правильно по существу и легально по формѣ, доношеніе Арсенія не было законно по изложенію и слововыраженію? Правда, рѣчь Арсенія нѣсколько наркотически дѣйствуетъ на слухъ современнаго читателя и ничего подобнаго, по изложенію и языку, не можетъ явиться въ области современной офи-

ціальной письменности. Но, намъ кажется, странно было бы судить въ этомъ случаѣ о дѣлѣ по современнымъ понятіямъ и воззрѣніямъ, съ точки зрѣнія современныхъ литературно-дѣловыхъ нравовъ и обычаевъ. Языкъ, которымъ написаны оба донесенія Арсенія, — языкъ всѣхъ прочихъ сочиненій Арсенія, не имѣющихъ ничего общаго съ вопросомъ о церковныхъ и монастырскихъ имуществвахъ: его двухъ полемическихъ трактатовъ — противъ раскола и противъ протестантизма, языкъ его докладовъ императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, принятыхъ и одобренныхъ послѣднею, языкъ его доношеній св. синоду по дѣлу объ архимандритѣ Владимірѣ Каллиграфѣ¹⁾, принятыхъ безъ всякихъ замѣчаній св. синодомъ къ разсмотрѣнію и соответственному распоряженію. Мало того: это языкъ проповѣдей Стефана Яворскаго, Феофана Прокоповича и самого св. Димитрія Ростовскаго.

Г. Соловьевъ, говоря о раздражительномъ тонѣ доношеній Арсенія, съ особенною силою указываетъ на противоположность, какая, по его мнѣнію, существуетъ въ этомъ отношеніи между нимъ и св. Димитріемъ. Трудно представить себѣ что-нибудь болѣе ошибочное, чѣмъ это сужденіе почтеннаго историка. Приснопамятный ростовскій святитель, предшественникъ Арсенія по кафедрѣ, былъ не только одного духа съ своимъ преемникомъ, но и одного образа мыслей по тѣмъ вопросамъ, о которыхъ трактуются въ доношеніяхъ Арсенія. Темы этихъ послѣднихъ были любимыми темами св. Димитрія въ его проповѣдяхъ, и выраженія его, когда онъ говоритъ объ отношеніяхъ лицъ свѣтскихъ, особенно военныхъ, къ духовенству и церкви, были не менѣе энергичны, чѣмъ выраженія Арсенія. Противъ нѣкоторыхъ распоряженій самого Петра Великаго св. Димитрій высказывался съ гораздо болѣею рѣшительностію и смѣлостію, чѣмъ самъ Арсеній. Петръ, напримѣръ, какъ извѣстно, не разъ издавалъ указы, запрещавшіе подавать нищимъ милостыню, налагалъ даже штрафы за ея подачу. Св. Димитрій, въ одной своей проповѣди, какъ бы отвѣчая на это распоряженіе государя, говоритъ: „Помысли, человѣче, коль краты озлоблялъ еси ближняго своего! Не токмо самъ милостыни не подаеши, но и прочимъ запрещаеши, да не подають. Не токмо самъ не милосердъ, но и прочія на немилосердіе возставляеши“. „Обычай имуть нынѣшняго вѣла нищіе поминать Христа, пречистую Дѣву, святителя Николая; но ни тѣмъ преклонити возмогутъ къ милосердію. Во истину о таковыхъ довлѣетъ рещи: одебалѣ сердце людей сихъ и ушима своими тяжело слышать“²⁾. Петръ учредилъ монастырскій приказъ,

¹⁾ Эти доношенія напечатаны въ нашей брошюрѣ: «Малозвѣстные русскіе проповѣдники XVIII столѣтія». Спб. 1872.

²⁾ См. Сочиненія св. Димитрія, т. II, стр. 236, 448.

принявшій въ свое завѣдываніе церковныя имущества. — учрежденіе, естественно, не симпатичное духовенству. Въ одной изъ своихъ проповѣдей св. Димитрій говоритъ, имѣя въ виду, очевидно, это новое учрежденіе; „хочещи-ли грабити церковная? Спросися Иліодора, казначея царя Селевка, иже пришелъ бѣ въ Іерусалимъ грабити церковная и биенъ бысть ангельскими руками“¹⁾. Не тоже-ли самое говоритъ и Арсеній, когда замѣчаетъ, что первый отыматель церковныхъ имуществъ былъ Юліанъ-отступникъ, а первый составитель штатовъ для духовенства—Иуда-предатель, что дѣятельность Мусина-Пушкина, перваго начальника монастырскаго приказа, ничѣмъ не лучше турецкихъ постановленій о христіанской церкви? Въ своемъ доношеніи Арсеній рѣзко выражается о правительственныхъ комиссарахъ-офицерахъ, производившихъ опись монастырскихъ и церковныхъ имуществъ. Но, кому неизвѣстно, какъ трактуеть св. Димитрій не объ отдѣльныхъ фактахъ и лицахъ, а о цѣломъ военномъ сословіи, и не въ доношеніи, непредназначенномъ для опубликованія, а публично. въ проповѣди, произнесенной съ церковной кафедрѣ (Слово на день Обрѣзанія Господня): „Моисей, — говоритъ проповѣдникъ, — въ минуту негодованія на свой народъ, за измѣну истинному Богу, разбилъ. сходя съ горы, скрижалю закона на двѣ половины, такъ что на одной остались лишь отрицанія: не... не... не.... а на другой — убей, укради. прелюбы сотвори. Вотъ этой-то второй половины скрижали, говоритъ проповѣдникъ, и придерживаются теперь военные: убиваютъ, крадутъ. прелюбодѣйствуютъ“. По поводу евангельской исторіи о пирѣ Иродовомъ св. Димитрій говоритъ: „смотри, какъ пиръ совершается немилосердыхъ владѣтелей. Но и нынѣ во многихъ господахъ чуть не также: подаютъ и пьютъ кровавыя труды человѣческіе, а бѣдныхъ крестьянъ немилосердо мучатъ: снѣдаютъ люди вмѣсто хлѣба. Господамъ до пресыщенія всего довольно есть, а крестьянамъ бѣднымъ и укуха хлѣба худаго нестаетъ. Снѣ обѣдаются, а тн развѣ водою жажду свою утоляютъ, снѣ веселятся, а тн плачутъ на правезахъ“²⁾. Извѣстна также проповѣдь св. Димитрія, въ которой проповѣдникъ ищетъ Христа въ разныхъ сословіяхъ и нигдѣ его не находитъ: „развѣ въ людяхъ великихъ, въ боярехъ и судіяхъ, на правдѣ посаженныхъ, не нашель-ли бы Христа? Пошли быхомъ къ нимъ Христа

¹⁾ Тамъ же, т. II, стр. 47. Не менѣе сильно выражался св. Димитрій противъ мясоестія солдатъ въ посты, введеннаго Петромъ (—II, 317), противъ стѣсненія монашествующихъ (—II, 268), противъ ассамблей (—II, 453) и многихъ другихъ вещей, введенныхъ Петромъ, но не гармонировавшихъ съ строемъ тогдашнихъ религіозныхъ понятій русскаго народа.

²⁾ См. Соч. св. Димитрія, II, стр. 319.

искати, но тамо не доступно, рекутъ: не пора, инымъ временемъ придешь. А не по что и ходить къ нимъ, ибо глаголетъ писаніе: изыде беззаконіе отъ судей и старецъ. Въ тѣхъ насилу когда и бывалъ Христосъ: понеже нынѣшнихъ времяхъ злыхъ и они злы сотворилися и правда въ нихъ скудна, а милосердія нимаго. О, человѣцы, въ послѣднихъ бѣдахъ страждущіи! Въ васъ Христосъ нынѣ, аки въ членахъ своихъ обитаетъ. Вы есте новые послѣднихъ сихъ времяхъ мученицы¹⁾.

Вообще въ преданіяхъ и обычаяхъ современной Арсенію духовной и въ частности проповѣднической литературы гораздо больше, чѣмъ въ особенностяхъ его личнаго темперамента, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ искать объясненія того тона и способа выраженія, какими характеризуются его доношенія. Такой тонъ считался признакомъ духовнаго авторитета, власти, принадлежностію хорошей проповѣднической манеры. Припомнимъ, какъ говорили о мѣропріятіяхъ правительства, непріятныхъ для церкви и о другихъ публицистическихъ вопросахъ того времени, Амвросій Юшкевичъ, Кирилль Флоринскій, Димитрій Свѣчоновъ, Владиміръ Каллиграфъ. Не забудемъ, что это было время страстной жгучей борьбы двухъ направленій общественной мысли, и обѣ стороны вовсе не церемонились при выраженіи своихъ отношеній къ противной сторонѣ. Языкъ русскихъ духовно-публицистическихъ сочиненій этого времени можетъ быть сравненъ развѣ съ языкомъ французскихъ проповѣдниковъ временъ лиги²⁾: „нынѣ совершилось наше спасеніе: низложенъ сатана и его ангелы“, восклицаетъ одинъ проповѣдникъ, по поводу низверженія Бирона. Одно изъ словъ Юшкевича, въ день рожденія императрицы Елисаветы (1741 г.), раскрываетъ „ухищренную политику губителей отечественнаго счастья“. „Быль-ли кто изъ русскихъ искусный художникъ, инженеръ, архитектъ, а наипаче ежели быль ученикъ Петра, тутъ они тысячу способовъ придумывали, какъ бы его уловить, къ дѣлу какому-нибудь подвести и, такимъ образомъ, или голову ему отсѣчь, или послать его въ такое мѣсто, гдѣ необходимо умереть отъ голоду,— за то одно, что инженеръ, что архитектъ, что ученикъ Петра Великаго. Всѣхъ людей добрыхъ, простосердечныхъ, государству доброжелательныхъ и отечеству весьма потребныхъ, подъ разными претекстами губили, раззоряли, а равныхъ себѣ безбожниковъ, безсовѣстныхъ грабителей весьма любили и уважали. Только тѣломъ, только тѣнью здѣсь,

¹⁾ См. Сочин. св. Димитрія, т. II, стр. 118—122 и др.

²⁾ См. весьма интересное сочиненіе: «De la démocratie chez les prédicateurs de la ligue, par Charles Labitte, 2-de édition, Paris, 1866». Н. В.

а сердцемъ и душою внѣ Россіи пребывали. Всѣ свои сокровища, въ Россіи неправдою нажитыя, вонъ изъ Россіи за море высылали, и тамъ иные въ банки, иные на проценты многіе милліоны полагали". „Архіереевъ, священниковъ, монаховъ мучили, казнили, разстригали,—непрестанная почта, и водою и сухимъ путемъ, отвозятъ ихъ въ дальніе сибирскіе города—Охотскъ, Камчатку, Оренбургъ",—такъ жаловался нѣкогда самъ Дмитрій Сѣменовъ, теперь подобнымъ же образомъ дѣйствовавшій противъ Арсенія. Но не тоже-ли самое говорить и Арсеній, когда замѣчаетъ: „горе намъ, бѣднымъ архіереямъ, яко не отъ погань, но отъ своихъ мнящихся быти правовѣрныхъ, мучительство претерпѣваемъ" ¹⁾.

Такъ говорили въ то время проповѣдники публично, съ церковныхъ кафедръ, въ присутствіи двора и самой императрицы. Можетъ-ли насъ послѣ этого удивлять тонъ рѣчи Арсенія въ его доношеніяхъ, не предназначавшихся ни для публичнаго произнесенія, ни для высочайшихъ особъ, а адресованныхъ къ его собратамъ-архіереямъ, засѣдавшимъ въ синодѣ, въ которомъ и самъ онъ состоялъ равноправнымъ членомъ? Намъ кажется, что Арсеній, по меньшей мѣрѣ, съ полною справедливостію могъ во всякомъ случаѣ сказать о себѣ:

За слова меня пусть гложеть,

За дѣла историкъ—читать.

Вообще мы не понимаемъ, почему г. Соловьеву хочется непременно представить личность Арсенія антипатичною и его дѣло—рѣшительно неправымъ. Намъ кажется, что изъ величія великой государыни ничего не убавилось бы, если бы современный историкъ призналъ въ осужденіи ея Арсенія одну изъ тѣхъ немногихъ ея ошибокъ, когда она, вопреки своему всегдашнему правилу—не увлекаться личными чувствами и отношеніями, когда идетъ рѣчь о дѣлѣ важности государственной,—позволила себѣ именно увлечься чувствами своего философскаго либерализма для того, чтобы нанести ударъ тому, что составляло одну изъ самыхъ законныхъ симпатій ея народа.

VI.

Есть еще одна сторона въ дѣлѣ Арсенія, не обратившая на себя всего того вниманія изслѣдователей, какого она, по нашему мнѣнію, заслуживаетъ. Образъ мыслей Арсенія, по вопросу о церковныхъ иму-

¹⁾ Подробнѣе объ этомъ см. въ статьѣ Н. А. Попова: «Придворныя проповѣди въ царствованіе Елисаветы Петровны», въ «Лѣтописяхъ русской литературы», 1859, кн. 3, и въ статьѣ М. И. Семевскаго «Очеркъ царствованія Елисаветы Петровны», «Русское Слово» 1859 г.

ществахъ, далеко не былъ образомъ мыслей лично Арсенія, и чувства, выраженные имъ по этому предмету въ его доношеніи, отнюдь не были лишь личными его одного чувствами. Въ синодальномъ „дѣлѣ“ объ Арсеніѣ сохранилась переписка его съ нѣкоторыми современными ему архіереями, захваченная при его арестѣ, небезызвѣстная и г. Соловьеву, какъ видно изъ приводимыхъ имъ незначительныхъ выдержекъ изъ нея, но не получившая у него должнаго освѣщенія. Переписка эта, по нашему мнѣнію, съ несомнѣнностію доказываетъ, что, за исключеніемъ Дмитрія Сѣченова, между всѣми главнѣйшими представителями русской церковной іерархіи той эпохи было единомысліе и полная солидарность по вопросу о церковныхъ имуществахъ, что эти іерархи составляли партію, численностію значительно превышавшую партію поборниковъ правительственнаго проекта, что для этой патріотической партіи болѣе видный и болѣе энергичный митрополитъ ростовскій явился лишь ораторомъ въ силу своихъ связей, главнымъ же образомъ—своихъ отношеній къ знаменитому фельдмаршалу графу Алексѣю Петровичу Бестужеву-Рюмину, раздѣлявшему ея воззрѣнія, тому самому Бестужеву, которому императрица писала по этому дѣлу: „батюшка, Алексѣй Петровичъ, пожалуй, помогай со-вѣтами“, что, далѣе, если дѣло Арсенія приняло оборотъ, какого для него, повидимому, никто не ожидалъ, то единственно потому, что въ синодѣ, который, выражаясь словами Стурдзы, „двигался“, и въ это время, „по колебѣ духовнаго регламента и грозныхъ преданій вѣка Петра“, всему дѣлу давалъ направленіе Дмитрій Сѣченовъ, не даромъ столь щедро награжденный потомъ Екатериной. Г. Соловьевъ совершенно упускаетъ изъ вниманія, что по дѣлу Арсенія привлечены были къ суду епископъ костромской Дамаскинъ и маститый митрополитъ московскій Тимофей, и оба они не вышли изъ дѣла правыми: первому опредѣлено было дать выговоръ чрезъ одного изъ членовъ св. синода, хотя онъ и оправдывался тѣмъ, что письмо его (приводимое ниже) „исторично писано“; второй, если и не подвергся выговору, то единственно въ силу очевиднаго послабленія, оказаннаго изъ уваженія къ его маститой старости и высокому положенію,—послабленія, весьма недостаточно мотивированнаго тѣмъ, что одно изъ писемъ пресвященнаго Тимофея писано было еще до вступленія на престолъ императрицы. Кромѣ этихъ двухъ видныхъ представителей іерархіи, къ дѣлу Арсенія примыкають: Сильвестръ, епископъ старгородскій, который доставилъ ему экземпляръ копій съ инструкціи, данной императрицею комиссіи о церковныхъ и монастырскихъ имуществахъ, по поводу которой Арсеній и написалъ свое доношеніе,—по рѣшеніи дѣла Арсенія св. синодомъ, опредѣлено было дать и Сильвестру официальный вы-

говоръ: Амвросій, архіепископъ переяславскій; Аѳанасій, епископъ тверской; Гедеонъ Криновскій, епископъ псковскій, и Веніаминъ-Пущень-Григоровичъ, епископъ петербургскій,—всѣ четверо возставали противъ мнѣнія Димитрія Свченова (къ которому присоединился лишь Палладій, епископъ рязанскій), на конференціи синода съ сенатомъ, на что есть указаніе и у г. Соловьева (стр. 148); наконецъ, самъ Гавріилъ, архіепископъ с.-петербургскій, такъ малодушно отказавшійся, подобно Тимоѳею, при судѣ надъ Арсеніемъ, защитить своего единомышленника: на его сочувствіе идеямъ Арсенія есть указаніе въ письмѣ къ нему Сильвестра старгородскаго¹⁾: „получилъ я,—говорится здѣсь,—отъ вашего преосвященства письмо, въ которомъ стужительность мыслей вашихъ по извѣстнымъ обстоятельствамъ довольно изъясняется“. На то, что между всѣми этими лицами существовало если не прямое соглашеніе въ образѣ дѣйствій, то, по меньшей жѣрѣ, полная солидарность въ образѣ мыслей,—мы видимъ указаніе въ этомъ же письмѣ Сильвестра: „то-то оно, про что въ Москвѣ неоднократно говаривано“, восклицаетъ Сильвестръ.

Вотъ эти любопытныя письма. о которыхъ мы упомянули.

VII.

Въ 1761 г., когда Петромъ III изданъ былъ указъ объ отобраніи отъ монастырей недвижимыхъ имуществъ, митрополитъ Тимоѳей пишетъ къ преосвященному Арсенію Мацѣвичу въ Ростовъ:

„Преосвященнѣйшій архіерею Божій, милостивый отецъ и искренній благодѣтель мой! Августа 1-го принялъ я писаніе вашего преосвященства всепріятно, въ коемъ объявленныя, въ прошедшемъ времени послѣдовавшія, несчастныя приключенія²⁾ читалъ не безъ сожалѣнія. Въ насъ въ отдаленныхъ только мѣстахъ такимъ образомъ поступлено и скотъ по описъ все взято; а въ Москвѣ сихъ наглостей не видѣли. Лошадѣ хотя всѣ описаны, однакъ и понинѣ не втобра ны³⁾ и остались подъ видѣніемъ нашимъ. Но и намъ сія отрада не

¹⁾ Письмо это, извлеченное нами изъ рукописнаго сборника бібліотеки С.-Петербургской духовной академіи № 415, напечатано въ «Христіанскомъ Читеніи» за 1872 годъ.

²⁾ Разумѣется указъ Петра III объ отобраніи въ казну монастырскихъ и церковныхъ имуществъ.

³⁾ Преосвященный Тимоѳей Щербатскій родомъ малороссъ, и, какъ видно изъ письма, до старости сохранилъ въ своей рѣчи и въ способѣ написанія словъ слѣды малороссійскаго нарѣчія. Свѣдѣнія о немъ, равно какъ и о другихъ упоминаемыхъ здѣсь преосвященныхъ, можно читать въ извѣстномъ изданіи Ю. В. Толстаго: «Списки архіереевъ» и проч.

велика, ибо съ другой стороны не безъ жалости видѣть можно, что въ вотчинахъ отъ тѣхъ же нашихъ крестьянъ невозвратныя подѣланы разоренія: лѣсы порублены, сѣно наличное расхищено, мелкій скотъ и птицы индѣ прежде описи еще побраны, а индѣ при описѣ искоренены, въ прудахъ рыба выловлена, и какія только вообразить можно подѣланы какъ при описи бывшіе офицеры, такъ и самые крестьяне опустошенія. Да и при Москвѣ, въ черкизовскомъ моемъ прудѣ, не единожды описатели дерзостно рыбу ловили, однакожь не единожды за то и смѣняемы были. Въ такихъ-то смутительныхъ обстоятельствахъ одна только суть отрадою—надежда. *Spes alit, aliquando aliter agit. Spem mutat discordia fratrum. Diphthongum ex duabus vocalibus in unum coalescentem in varias dividere, dissensu suo, nostrates in unum non habitantes, vocales. Superi clementissimi de nostra in Possidentis ruribus calamitate adjuvent propitius*¹⁾.

„Впрочемъ съ неотмѣняемымъ моимъ усерднымъ пребываю добродетельствомъ вашего преосвященства всѣхъ благъ всеусердный добродетель, богомолецъ и слуга, смиренный митрополитъ московскій Тимоѳей“.

1762 года. Августа 2-го дня.

Въ моментъ написанія письма, Петра III не было уже въ живыхъ. Императрица Екатерина, вступивъ на престолъ, поспѣшила отмѣнить указъ, возбуждавшій общій ропотъ, о чемъ и объявила въ изданномъ ею манифестѣ. По этому случаю архіепископъ переяславскій и крутицкій Амвросій (имѣвшій мѣстопробываніе въ Москвѣ) пишетъ къ тому же преосвященному Арсенію:

¹⁾ Любопытная черта тогдашнихъ духовно-литературныхъ нравовъ: мѣста въ перепискѣ шекотливыя или наиболѣе интимныя всѣ излагались на латинскомъ языкѣ. Это мы видимъ и въ упомянутомъ выше письмѣ Сильвестра старгородскаго къ митрополиту Гавріилу, и, позже, въ перепискѣ Платона, митрополита московскаго, съ современными ему архіереями. Дѣлалось это, конечно, не съ другою цѣлю, какъ съ тою, чтобы наиболѣе интимныя мѣста въ перепискѣ, при незнакомствѣ лицъ, не получившихъ высшаго духовнаго образованія, съ латинскимъ языкомъ, не были прочитаны кѣмъ-либо, кромѣ того лица, кому письмо адресовано. Въ настоящемъ письмѣ латинскія фразы приписаны на поляхъ рукою самого преосвященнаго. Въ приложенномъ къ дѣлу переводѣ этихъ фразъ, сдѣланномъ, по порученію св. синода, «синодальнымъ переводчикомъ Григоріемъ Полѣткой», слова эти переданы такъ: «Надежда питаетъ, а иногда инако поступаетъ. Надежду прѣмъняетъ несогласіе братій. Двогласную букву, составляемую изъ двухъ гласныхъ, на разныя гласныя буквы раздѣлили несогласіемъ своимъ наши, несогласно живущіе. Всемогій Богъ да поможетъ намъ въ бѣдствіи нашемъ, привращеніемъ въ наше владѣніе деревень».

„Пресвященнѣйшій владыко, милостивый отецъ, батюшка и крайній мой благодѣтель! За отеческое вашего пресвященства писаніе много благодарствуя, отъ усердія моего поздравляю общею радостію, со вступленіемъ ея императорскаго величества на всероссійскій престолъ. Слава Богу, что мы всѣ отъ мысленнаго ига избавленіе получили; а теперь, какъ изъ манифеста изволите усмотрѣть, къ сентябрю мѣсяцу просимъ и ваше пресвященство къ намъ въ Москву пожаловать и намъ въ извѣстномъ дѣлѣ помогать, а паче въ богоугодныхъ своихъ молитвахъ къ Богу о томъ напомануть, которымъ и самого себя препоручаю. Вашего пресвященства смиренный слуга и богомолецъ архіепископъ и архимандритъ Амвросій“.

Но не прошло и нѣсколькихъ мѣсяцевъ, какъ императрица возвратилась къ мысли своего предшественника и издала повелѣніе о переноси всего церковнаго и монастырскаго имущества, не предвѣдая, впрочемъ, этого вопроса въ той или другой окончательной формѣ. Митрополитъ Тимоѣей пишетъ по этому случаю къ Арсенію:

„Пресвященнѣйшій владыко, бодрый и великодушный архіерей Божій, искренній благодѣтель мой! Съ принятія вождѣльнаго вашего пресвященства письма, прошедшаго мая 30-го зъ Ростова отпущеннаго, въ которомъ ваше пресвященство братскую свою любовь ко мнѣ объявляете, не малую я радости возымѣлъ причину, увѣдомившись изъ онаго и о здравіи вашего пресвященства. Что же касается до упомянутой въ письмѣ вашего пресвященства печали, *non solum vestram sanctitatem, sed omnes nos dolenda ista tetigit metamorphosis, quae vitam nostram ad hemitus et dolores ducit. In patientia nostram servemus animam: pro omni supremo Regi regum et Domino dominantium devoté ac magnanimo de flamentibus praecordiis agenda sunt gratiae. Sic demerito dignivivendo pervenimus* ¹⁾. И за оную вашего святительства братскую доброжелательную любовь, какъ въ воспоминаеніи мене у престола Божія, такъ и въ прочемъ являемую, благодарно поклонъ мой и взаимное вашему пресвященству всѣхъ благосчастливыхъ сукцессовъ искренное мое братское свидѣтельству усердіе.

„Вашего пресвященства временныхъ и вѣчныхъ благъ искренне-желающій доброхотъ, братъ, богомолецъ и слуга, смиренный митрополитъ московскій Тимоѣей“.

¹⁾ Въ переводѣ Погѣтки слова эти переданы такъ: «нынѣ не токмо вашу святиню, но и всѣхъ насъ печальная сія тронула перемѣна, которая жизнь нашу ведетъ къ воздыханіямъ и болѣзнямъ. Въ терпѣніи стяжимъ душу нашу: за все вышнему Царю царствующихъ и Господу господствующихъ благоговѣно и великодушно благодарить должно. Сего дожили мы по заслугамъ нашимъ».

Подобнымъ же образомъ и востромской епископъ Дамаскинъ, бывший съ преосв. Арсеніемъ въ перешискѣ, писалъ ему, по поводу предпринятаго послѣднимъ толкованія псалмовъ, которое преосв. Арсеній, по мѣрѣ изготовленія, посылалъ на рецензію къ Дамаскину: „какъ 30-й (псаломъ) окончили, такъ дай Богъ и начатой,—прійдите возрадемся Господеви,—псаломъ окончити. Богъ милостивъ, не оставить уповающихъ на него. Пусть дышутъ, однако столпъ и утверженіе истины адскаго ихъ нимало боится дыханія. Я слыхалъ, что до привезенія изъ С.-Петербурга сдѣланной чудотворцу (св. Дмитрію Ростовскому) раки, гость (императрица) отложилъ у вашего преосвященства быть. Чтобы оный гость Ростовъ. паче же ростовскую церковь и новоявленнаго святителя посѣтилъ, и у вашего преосвященства, яко усердѣннѣйшаго своего богомольца, небесныхъ же и земныхъ благъ желателя, отгостилъ, я, какъ себѣ, неллицемѣрно желаю. Мудры наши попы и причетники будутъ¹⁾. Только опасно, чтобы за математикою и астрономіею и тѣхъ мудрованіемъ въ собственной невѣждами не остались должности, а паче же иные изъ нихъ не запыли съ голоду. Я вашего преосвященства мнѣнія держусь: довольно того, что и регламентомъ означено; да и того за бѣдностію исправить совершенно неудобно. Кто-то наипаче затѣваетъ странное оное ученіе (введеніе въ кругъ духовнаго образованія свѣтскихъ наукъ), и кто съ духовныхъ въ комисіи—не знаю. Однако, какъ воля Божія будетъ. Осмѣливаясь ваше преосвященство затрудить: не возможно-ль какъ окончаніе тридесятаго, такъ и прочихъ псалмовъ, кромѣ тѣхъ, которые отъ вашего преосвященства получилъ, толкованія трудовъ вашего преосвященства для списанія про нужду мою и церковную прислать и тѣмъ меня одолжить милостивно прошу, владыко святый, не оставь сего моего нужнаго испрошенія. Полученные мною отъ вашего преосвященства суть слѣдующіе: 21, 22, 76 и 30-й до 22-го стиха“.

Нераньше, какъ уже послѣ этихъ писемъ, Арсеній отправляетъ свое письмо къ Алексію Петровичу Бестужеву-Рюмину (приведенное у Знаменскаго—„Прав. Собесѣд.“ мартъ, 1876 г., стр. 228—229), имѣвшее полное дѣйствіе, потому что, какъ мы видѣли, вслѣдъ за нимъ, по совѣту Бестужева, императрица отгѣнила распоряженіе Петра III и издала, въ августѣ 1762 г., свой манифестъ, возвращавшій церковныя вотчины въ руки духовенства (см. „Прав. Соб.“ февраль, стр. 122 и слѣд.).

¹⁾ Здѣсь рѣчь идетъ о сдѣланныхъ правительствомъ измѣненіяхъ и дополненіяхъ въ составъ тогдашняго семинарскаго курса, противъ которыхъ возставалъ, какъ извѣстно, и Арсеній въ своемъ доношеніи.

VIII.

Не дожидаясь результата своего перваго доношенія въ синодъ и писемъ къ духовнику императрицы и къ Бестужеву-Рюмину, Арсеній,—вѣроятно подъ впечатлѣніемъ тѣхъ злоупотребленій при описи церковныхъ и монастырскихъ имуществъ, допущенныхъ правительственными комиссарами-офицерами, о которыхъ говорится въ приведенныхъ выше письмахъ,—шлетъ въ св. синодъ второе доношеніе, прямо направленное противъ этихъ описей и приходорасходныхъ книгъ, разосланныхъ по монастырямъ и церквамъ комиссіей. Приводимъ этотъ памятникъ литературной дѣятельности Арсенія, доселѣ въ цѣломъ видѣ, если не ошибаемся, нигдѣ еще не напечатанный:

„Святѣйшему правительствующему синоду. отъ синодальнаго члена, пресвященнаго Арсенія, митрополита ростовскаго и ярославскаго, доношеніе.

„Изъ полученныхъ мною, при указѣ ея императорскаго величества изъ святѣйшаго синода, присланныхъ къ моему смиренію для досто-должнаго вѣдома и надлежащаго исполненія, печатныхъ инструкцій и приложенныхъ при нихъ формъ, каковымъ образомъ отправленнымъ изъ комисіи оберъ-офицерамъ домамъ архіерейскимъ и монастырямъ повелѣнныя описи сочинять, опредѣлено,—усмотрѣлъ я между прочаго въ тѣхъ формахъ, что тѣмъ офицерамъ обще съ монастырскими настоятелями надлежитъ въ монастыряхъ и пустыняхъ описывать церкви святныя, и сколько въ нихъ престоловъ, а въ другомъ указѣ, полученномъ мною-жъ изъ св. правительствующаго синода, между прочаго-жъ написано въ третьемъ пунктѣ: понеже-де къ сочиненію всѣмъ монастырямъ штатовъ потребно комисіи знать о имѣющихся въ означенныхъ монастыряхъ ризницахъ и церковной утвари, дабы, по усмотрѣніи въ томъ каковаго гдѣ недостатка надлежащее къ снабженію распоряженіе учинить было можно. Того ради означеннымъ же оберъ-офицерамъ изъ всѣхъ вышеозначенныхъ монастырей за руками настоятельскими означеннымъ ризничнымъ вещамъ и прочей церковной утвари описей, гдѣ же таковыхъ описей нѣтъ, или нѣсть, да съ наличностію оныхъ вещей въ чемъ несходны, то оныя описи самимъ настоятелямъ, а въ небытность ихъ, кому тѣ монастыри въ правленіе поручены, при тѣхъ же оберъ-офицерахъ описать.

„И такъ, по сему слѣдуетъ непремѣнно показаннымъ офицерамъ въ алтарь входить и иногда священныхъ сосудовъ касаться, чего намъ законъ православный издревле, исключивши царскихъ персонъ, правилами и узаконеніями церковными запрещаетъ, что и во извѣстіи

учительномъ, при служебникахъ печатаемомъ, изображается: чести ради, рече, божественныхъ таинъ никто же отъ несвященныхъ во святыи алтарь да входитъ, жены же никогда, пономари часто исповѣдающіися и божественнымъ тайнамъ причащающіися, трезвенно же и благочестно въ добродѣтели пребывающіи. Сии пономари должны суть просфоры, вино, воду, енциамъ и огонь въ алтарь; внести, свѣщи же зажгати и угашати, кадильницу же и теплоту приуготовляти и іерею подавати, алтарь весь чинно и часто уместити и очищати аще землю отъ всякихъ уметій, яко же и стѣны и верхъ кровный отъ праха и паутины. Престолъ же и жертвенники іерею точію и діакону или иподіакону очищати и истирати, во еже николиже на нихъ обрѣстися праху или уметію коему, да не коснется со грѣхомъ священныхъ несвященная рука.

„Въ подтвержденіе же таковаго церковнаго узаконенія имѣется быти явственно стихъ великаго канона: кивоть яко ношашеся на колесницѣ, Занъ, егда превращшуся тельцу, точію коснуса, Божиимъ искусия гнѣвомъ; но того дерзновенія убѣжавши душе, почитай божественная честіи.

„Въ книгахъ вторыхъ царствъ, въ главѣ 6-й, Занъ оный нарицается Оза, который, по признанію толкователей, не будучи священникомъ, но левитомъ, дерзнулъ, аще и въ случаѣ, коснуться кивота Божія; того ради пораженъ былъ и казненъ отъ Бога, такъ же смертію, понеже явствуетъ отъ другихъ мѣстъ писанія, яко не левиты, но священники кивоть Божій носили и ему прикасались. Аще же въ ветхомъ завѣтѣ крѣпкое было наблюдательство божественныя вещи почитати, то колыи сіе надлежитъ исполняти въ новомъ завѣтѣ, почитая божественныя честно, а наипаче алтарь божественный, и наблюдая, да не касается несвященная рука вещей, Богу освященныхъ, а наипаче дисковомъ, потировъ и прочихъ подобныхъ: о царѣ бо Львѣ четвертомъ, сынѣ Копронимовомъ, пишется въ церковныхъ исторіяхъ яко любяше драгіе камни, и дерзнулъ взяти изъ церкви св. Софїи съ каменни зѣло драгій вѣнецъ, Господу Богу отданный, въ немъ же бяху драгоцѣнныи каменіе карбункулы, которыми онъ уязвися, егда же оный вѣнецъ на главу свою возложи, абіе на челѣ его карбункулы прозябоша, сіи есть вреды неисцѣлимыя, яже ему окаянную смерть принесоша.

„Аще же за вѣнецъ, Богу освященный, толикая казнь Божія, то чего надѣяться отъ Бога за сосуды, Богу освященные, къ храненію и совершенію таинъ святыхъ употребляемыи, а не почитаемыи и за простую вещь вмѣняемыи? Каковаго же почитанія надѣяться, егда придуть таковыи божественныи вещи во область таковыхъ людей,

о которыхъ издревле въ притчахъ Соломоновыхъ, въ главѣ 4-й, свидѣтельствуется, на немъ же еще мѣстѣ воя собереть, неиди тамо, уклонися же отъ нихъ и имѣни, не уснуть бо, аще зла не сотворять. отъимется сонъ отъ нихъ и не спать, тѣмъ бо питаются пищею нечестія, виномъ же законопреступнымъ упиваются. Отъ таковыхъ свойствъ, какъ древнихъ воиновъ, такъ и нынѣшнихъ, а наипаче нашихъ, нельзя выключать; аще же и не о всѣхъ таковыя свойства признавать, однако надлежитъ засвидѣтельствовать, что много званныхъ, мало же избранныхъ, або тыло имъ власть, то готовы и Спаса и Богородицѣ ободратъ, какъ то видѣть (можно) отъ бывой коллегіи экономіи, во время генерала Волкова, которая изъ начала моего бытности въ Ростовѣ опредѣлила было офицеровъ въ Спасоярославскій монастырь. переписывати евангелія, кресты и прочія въ ризницѣ утвари, и на то уже и указъ дала было монастырскимъ властямъ, просителямъ денегъ на починку монастыря: которому дѣлу я тогда оспорилъ, и такъ оно отмѣнилось, а послѣ по особенному разсмотрѣнію и на церковь призрѣнію отъ блаженныя памяти благочестивѣйшія самодержавнѣйшія великія государыни императрицы Елисаветы Петровны оная коллегія совсѣмъ упразднилася. и яко экономическая канцелярія синоду подчинена.

„Надѣяться же, что и нынѣ благополучно царствующая благочестивѣйшая императрица наша, государыня всемилостивѣйшая, не оставитъ церкви, ежели ея величеству обстоятельно о церкви Божіей и о нынѣшнемъ ея озлобленіи изволите ваше святѣйшество предложить. а наипаче, что еще церковь и отъ прешедшаго недавно бывшаго удара и раззоренія не отдохнула и въ чувство не пришла и ниже мало исправилась, а тутъ упять на нее навѣты и нападенія и таковыя подлоги, дабы ей современемъ въ конецъ истребится: понеже теперь, напримѣръ, когда нашьются, по силѣ инструкции, офицеры, то какъ въ прошломъ году, безъ яроваго хлѣба и съ малымъ числомъ сѣна остались, такъ и теперь будемъ съ тѣмъ же, или противу того, съ превосходствомъ оставаться, офицеры бо присланныи будутъ не малые вкладчики, аще по силѣ, аще въ противность инструкции поступаа. Крестьяне же, совершенно еще въ послушаніе монастырямъ и архіереямъ не пришедши, отъ оныхъ офицеровъ, по силѣ инструкция, вопросы, по мужичьему своему уму, въ разсужденіе взявши, въ хлѣбной никакой другой работѣ будутъ огурны и не послушны; впредь же, ежели паче чаянія утвердится оброужъ на крестьянъ, чтобы имъ ничего не работать, но деньги давать, то они хотя и примутъ изначала сіе за благо, потому что придуть имъ не токмо поля, но и лѣса и дуга въ руки ихъ, однако послѣ, опустошивши лѣса, не будутъ въ

состояніи и не похотятъ, хотя душу изъ нихъ возьми, оброковъ платитъ: и такъ, дома архіерейскіе и монастыри не токмо безъ дровъ, но и безъ хлѣба, и безъ денегъ, и безъ водовоза, послѣдняго работника, останутся. Аще же бы и такового случая не послѣдовало, то у насъ не Англія,—единными деньгами жить и пробиваться, а напротивъ монастырямъ и домамъ архіерейскимъ, на которыхъ работаютъ мужику сходные и способные, нежели деньги давать, которыми аще бы онъ изобилывалъ, то лучше ему умирать, нежели съ ними разставаться, и когда надлежащій деньги отдастъ, то на одну нужду домашнюю и работу послѣднюю: воспослѣдуетъ домамъ архіерейскимъ и монастырямъ деньги сорить, какъ полову, того-жъ мужика, крестьянина своего прося и моля, дабы принялъ какія хочеть деньги, а не отрицалъ бы послужить дому архіерейскому или монастырю, а онъ на то ниже будетъ смотрѣть, и за малое дѣло будетъ вдвое и втрое денегъ требовать, усматривая и промышляя, дабы тыжиъ деньги, которыя отъ нихъ взяты, паки въ нимъ съ превосходствомъ возвратилися. Что же касается до нуждъ церковныхъ, наприимѣръ, до починки домовъ и монастырей и храмовъ Божіихъ, такожь и нуждамъ священнослуженія и жертвы безкровныя, о томъ нечего и вспоминать: не съ чего бо будетъ, хотя бы и самому архіерею и по одному на крылосѣ пѣвчему содержать, а о ризницѣ и о благолѣпіяхъ и о утваряхъ, церкви и служенію нужныхъ, нечего и говорить, и тако за малое время можетъ благочестіе все у насъ перевестися и слѣда ему не остаться, развѣ тылко въ памяти многимъ будетъ и въ сожалѣніи, яко въ толь древнемъ и благочестивомъ государствѣ, на весь свѣтъ славномъ и знатномъ, вдругъ не отъ татаръ, и ниже отъ иностранныхъ непріятелей, но отъ своихъ домашнихъ, благочестивыми и сынами церкви нарицающихся, церковь и благочестіе истребилися.

„Сожалѣніе же о томъ, всякому благочестія ревнителю, воспослѣдуетъ плачемъ Іереміиннымъ, таковымъ со усугубленіемъ производимое: исходища водная изліеть око мое о сокрушеніи дщере людей монхъ, какъ потемнѣ злато, измѣнися сребро доброе, рассыпашася камицы святыни въ началѣ всѣхъ исходовъ.

„Чего нежданъ Богъ намъ видѣть и дожидаться, предосторожность же надлежитъ имѣть и Бога молить, въ которыхъ молитвахъ и я послѣднѣйшій одоляюся, навсегда пребываю

„Святѣйшаго правительствующаго синода послушникъ смиренный Арсеній, митрополитъ ростовскій и ярославскій. Своеручно“.

Марта 15-го дня 1763 года.

Вмѣстѣ съ этимъ „доношеніемъ“, того же 15-го марта, преосв. Арсеній представилъ въ свят. синодъ и „покорное прошеніе“, слѣдующаго содержанія:

„Въ мимошедшемъ году, а въ которомъ—не помню, токмо при жизни блаженна и вѣчнодостойна памяти государыни императрицы Елисаветы Петровны, самодержицы всероссійскія, просилъ я ваше святѣйшество о увольненіи мене, за болѣзнію моею, отъ ростовскія епархіи, на обѣщаніе въ монастырь Спасской Новгородской-Сѣверской, и объ ономъ моемъ прошеніи никаковой резолюціи не получилъ. А нынѣ я не токмо во оной болѣзни, но и въ дряхлости и въ старости обрѣтаюсь. Того ради прошу покорно ваше святѣйшество по желанію моему отъ ростовскія епархіи въ означенный монастырь Спасскій Новгородскій-Сѣверскій меня уволить и опредѣлить по примѣру преосвященнаго Геннадія, епископа костромскаго, и пожаловать какою-нибудь препитаніе, а наипаче на первый случай: о чемъ усугубляю мое прошеніе, пребываю святѣйшаго правительствующаго синода послушникъ смиренный Арсеній, митрополитъ ростовскій и ярославскій. Своеручно“.

Но событія совершились быстрѣе, чѣмъ ожидалъ преосв. Арсеній. Недоброжелатели его не дремали. Получивъ доношеніе Арсенія, св. синодъ нашель, что въ немъ „все, что ни есть, слѣдуетъ во оскорбленію ея императорскаго величества, за что онъ великому подлежитъ сужденію; но безъ вѣдома Ея И. В-ва, св. синодъ къ тому приступить не смѣеть, а передаетъ въ высочайшее благоразсмотрѣніе и высоко-монаршую Ея И. В-ва безприглядную милость“, о чемъ и представилъ ея величеству докладъ. Замѣчательная резолюція императрицы на этомъ докладѣ св. синода приведена у г. Соловьева въ цѣломъ составѣ. Согласно этой резолюціи, св. синодъ немедленно распорядился преосв. Арсенія, „черезъ нарочито отправленнаго гвардіи оберъ-офицера, привезти въ Москву, а при томъ отъѣздѣ ризницы и людей, кромѣ трехъ нужнѣйшихъ служителей, его преосвященству съ собой не брать и имѣющіяся въ кельѣ письма собрать, его преосвященства и того офицера печатами запечатать, взять“. Отправленъ былъ Семёновскаго полка капитанъ-поручикъ Николай Дурновъ, которому дана инструкция: „1) получа изъ св. синода запечатанный указъ, ѣхать въ Ростовъ на шести подводкахъ съ крайнимъ поспѣшеніемъ, и какъ скоро туда пріѣдете, въ то же самое время, митрополита Арсенія, объявляя ему указъ, съ поспѣшеніемъ везти въ Москву, истребовать почтовыхъ надлежащее число подводъ; 2) по пріѣздѣ въ Москву, привезти того митрополита прямо въ Симоновъ монастырь, оставить въ казначейскихъ кельяхъ, подъ смотрѣніемъ офицера и пристойнаго числа сол-

дать, и самому объявить о томъ св. синоду репортромъ; 3) о дѣлахъ тайности подлежащихъ, поступать по силѣ имяннаго императора Петра Великаго указа, отъ 1724 г. генваря 13-го". Дурновъ отправился въ Ростовъ 14-го марта, а 17-го числа того же мѣсяца онъ уже возвратился въ Москву, издержавъ на дорогу изъ данныхъ ему 50 р.— 25 р. 75 к., привезя съ собою Арсенія, а также секретаря консисторіи Ивана Волкова и протоколиста Семена Жукова, какъ лицъ, прикосновенныхъ къ дѣлу и подлежащихъ допросу.

По прибытіи преосв. Арсенія въ Москву, св. синодъ имѣлъ нѣсколько экстренныхъ засѣданій, въ которыя собирался по ночамъ. съ 9-ти часовъ вечера и до часа пополудни слѣдующаго дня. Въ первомъ засѣданіи, происходившемъ 1-го апрѣля, опредѣлено было: 1) допросить Волкова: кѣмъ сочинены были два доношенія, присланныя въ синодъ Арсеніемъ, и почему ни одно изъ нихъ нескрѣплено имъ—секретаремъ; 2) отправить въ Ростовъ и въ Кострому къ епископу Дамаскину нарочитаго за экземпляромъ чинопослѣдованія въ недѣлю православія, „дополненнаго“ Арсеніемъ, а равно вызвать въ Москву для допроса и самаго Дамаскина, что и было поручено прапорщику Преображенскаго полка Льву Толстому, которому и дана на этотъ предметъ соотвѣтственная инструкция; 3) сочинены допросные пункты обвиняемому: съ какаго именно предпріятія и умыслу онъ, какъ первое свое, такъ и второе доношенія сочинить и въ синодъ прислать отважился, и не было-ли у него съ кѣмъ о томъ сношенія и совѣту, и не чинилъ-ли онъ письменно или словесно о томъ какаго разглашенія. Вотъ отвѣты Арсенія. „1763 г. апрѣля 1-го дня, въ собраніи св. синода ростовскій митрополитъ Арсеній, по вышечисаннымъ апробованнымъ вопроснымъ пунктамъ допрашивавъ и сказалъ: 1) въ первомъ посланномъ-де отъ него марта 6-го доношеніи, его преосвященство ничего ко оскорбленію ея императорскаго величества быть не уповаль. а все-де то писалъ по ревности и совѣсти, чтобъ не быть двоедушнымъ, а ежели что ко оскорбленію ея императорскаго величества имѣется, въ томъ просить прощенія и въ волю и милость ея императорскаго величества себя всеподданнѣйше передаетъ; 2) о всемъ, въ томъ доношеніи писанномъ, у его преосвященства ни съ кѣмъ сношенія и совѣта не было, а писано оное собственно отъ его преосвященства; 3) о всемъ, въ означенныхъ доношеніяхъ заключающемся. разглашенія никакого ни съ кѣмъ, какъ письменнаго, такъ и словеснаго, не было; 4) что-де его преосвященство сочинялъ не для возраженія на указы, но на представленія другихъ, по которымъ представленіямъ и тѣ указы послѣдовали, и въ чаяніи томъ, что какъ тѣ представленія не отвержены, такъ-де и его представленіе отвержено

не будетъ, а, по крайней мѣрѣ, что изъ того не воспослѣдуетъ оскорбленія Ея И. В-ва, а понеже оное вошло во оскорбленіе ея императорскаго величества, того ради и паки всемирнѣйше и всеподданнѣйше припадая къ ногамъ ея императорскаго величества, проситъ прощенія и помилованія". „О учиненномъ въ нынѣшнемъ году въ нѣдѣлю православія пополнительномъ чиноположеніи¹⁾ объявилъ, что въ ономъ ничего къ оскорбленію Ея И. В-ва не имѣется, а сочинялъ его преосвященство изъ древнихъ чиноположеній, которыя собраны и исправлены, и въ ономъ, изъ тѣхъ же древнихъ чиноположеній, грабители церковнаго имѣнія потому внесены, что многія не только монастырскія, но и церковныя земли отнимають, а суда на нихъ сысзять не можно".

Волковъ на допросъ объяснилъ, что „на именныя указы представленія чинить не слѣдуетъ, что-де онъ преосвященному неоднократно объяснялъ, что оныя доношенія съ приказнымъ порядкомъ не сходственны, чего ради оныя имѣ, Волковымъ, и не скрѣплены и по консисторіи въ исходящую книгу не записаны и номеровъ на нихъ не поставлено, но прямо собственно отъ его преосвященства изъ вели отправлены". Жуковъ, съ своей стороны, объяснилъ, что „до сочиненія и посланія въ синодъ тѣхъ доношеніевъ митрополитъ Арсеній ни съ кѣмъ письменныхъ переписокъ не имѣлъ и къ нему, митрополиту, ни отъ кого о томъ писано не было, кромѣ только того, что оный митрополитъ съ полученной отъ Сильвестра, епископа переяславскаго, инструкціи, данной комисіи о церковныхъ вотчинахъ, копію къ костромскому епископу при письмѣ своемъ токмо для одного извѣстія послалъ, а отъ того епископа ничего на то писано не было. А когда-де первое доношеніе отъ 6-го числа въ синодъ отправлено, то того-жъ числа съ онаго двѣ копіи при письмахъ посланы отъ него,

¹⁾ Въ чинъ православія Арсеній внесъ отъ себя слѣдующія двѣ статьи, 1) «Иже возстанетъ на церкви Божіи, на храмы и мѣста святыя, зли крамоульницы и совѣтницы ихъ, да будутъ прокляты. 2) Всѣ насильствующіи и обидящіи святіи Божіи церкви и монастыри, отнимающе у нихъ данная имъ отъ древнихъ богомольцевъ и монарховъ благочестивыхъ имѣнія, и чрезъ то воплощенія Христова дѣло и безкровную жертву истребляющіи, аще не останутся (оставятъ?) отъ сего же такового начинанія, но и еще помышляти будутъ таковое злодѣйство, яко Ананія и Сапфира и яко крайніи врази Божіи, да будутъ прокляты». Въ печатномъ чинѣ православія, бывшемъ въ это время въ употребленіи, этихъ статей совсѣмъ не было, но онѣ были, какъ сказано въ дѣлѣ, въ чинѣ «рукописномъ 150-го года» (т. е. 1662 г.), за исключеніемъ словъ, отиѣченныхъ разрядкою, которыя вставлены лично Арсеніемъ.

митрополита, къ духовнику Ея И. В-ва, протоіерею Ѳеодору Яковлевичу Дубянскому, и къ генераль-фельдмаршалу графу Алексію Петровичу Бестужеву-Рюмину, которыми-де письмами просилъ, что когда о оной матеріи отъ св. синода представлено будетъ Ея И. В-ву, то-бъ тогда и оную копію Ея И. В-ву представить-же; а потомъ и со втораго доношенія къ нимъ же, духовнику и фельдмаршалу, при письмахъ копіи посланы-жъ въ такой силѣ, чтобъ употребили они въ защищеніе церкви святой свое стараніе, а болѣе до сего какъ съ тѣхъ доношеніевъ, копій, такъ и писемъ о томъ, отъ онаго митрополита ни къ кому не было. Когда-жъ начаты были оныя доношенія сочиненіемъ и были переписываемы, то-де въ то время усмотря, что оныя противны указамъ объ ономъ, какъ онъ, Жуковъ, такъ и секретарь Волковъ, да секретарь же Кардовской и архидіаконъ Игнатій тому митрополиту представляли многократно, но токмо оный митрополитъ того ихъ представленія не слушалъ и объявлялъ, сердясь, такъ, что-де то не ваше дѣло, а надлежитъ оному быть непремѣнно“.

Во второмъ засѣданіи, 4-го апрѣля, слушали протоколъ предъидущаго засѣданія и предположительно постановили: сослать Арсенія въ одинъ изъ отдаленныхъ монастырей съ отнятіемъ отъ него бумаги и чернилъ. Въ 3-мъ засѣданіи, 7-го апрѣля, слушанъ былъ вновь протоколъ объ Арсеніи и проектъ опредѣленія по его дѣлу съ выписками оснований для него изъ св. писанія (Варух. гл. I, Мф. гл. 22, посл. Петр. гл. 2, Римл. гл. 13, Ефес. гл. 5, Кол. гл. 3, Тит. гл. 3) и церковныхъ правилъ (Апост. прав. 31, 81, 83, 84; Сардик. соб., пр. 21), регламента (л. 6, 25) и указовъ (февр. 9, 1720; апр. 17, 1722; мая 11, 1725 г., о винахъ Ѳеодосія, арх. новгородскаго) и, наконецъ, выписки изъ дѣлъ, бывшихъ о самомъ Арсеніи, представляющія интересный біографическій матеріалъ о немъ: Мая 28-го 1742 г. онъ былъ перемѣщенъ на митрополичью кафедру въ Ростовъ, и велѣно ему присутствовать въ св. синодѣ. Марта 1-го 1743 г. св. синодъ имѣлъ разсужденіе, что митрополитъ Арсеній до сихъ поръ „у присяги не былъ“. Бывъ спрошенъ, Арсеній отвѣтилъ, что о томъ онъ лично объяснилъ императрицѣ (Елисаветѣ), о каковомъ отвѣтѣ св. синодъ постановилъ доложить государынѣ. 18-го мая того же года Арсеній принялъ присягу, но на присяжномъ листѣ оказалась его собственноручная приписка, именно къ рѣченію: „я послѣдовати мнѣ во всемъ и повиноватися всегда св. правительствующему синоду, яко правильной власти“, прибавлены слова: „отъ Христа и апостоловъ происходящей чрезъ хиротонію“. Когда св. синодъ указомъ потребовалъ у него справедливаго по архіерейству по этому дѣлу отвѣтствія“, Арсеній отвѣчалъ, что сей его прилогъ въ присягу архіерейскую приписанъ наканунѣ

поставленія и оную присягу съ прилогомъ всѣмъ вслухъ тогда читалъ, а онѣй прилогъ не въ иной силѣ приписанъ, только въ противность и въ крайнее отверженіе раскольниковскаго исповѣданія, что-де церковь — не церковь, архіерей — не архіерей, священницы — не священницы, понеже-де священство, чрезъ хиротонію отъ Христа и апостоловъ происходящее, вовсе потерялось, а кромѣ таковыхъ богохульниковъ, онъ нечасть, чтобы кому другому, кто церкви святой придержится, могла быть противность: „вашему святѣйшеству казая показала въ томъ противность прошу со всею покорностію наставленія“, — заключаетъ свое объясненіе Арсеній. Получивъ такое объясненіе, св. синодъ предположилъ имѣть о немъ сужденіе въ полномъ собраніи, но неизвѣстно почему, дальнѣйшаго хода это дѣло не имѣло — „надлежащаго рѣшенія по тому доношенію не учинено“.

Вообще тонъ доношеній Арсенія не нравился св. синоду и производилъ такое впечатлѣніе, что 19-го августа того же 1743 года ему былъ посланъ официальный выговоръ.

Документъ этотъ выясняетъ для насъ со всею полнотою тѣ отношенія, какія установились между членами св. синода и Арсеніемъ, и какія, нѣтъ сомнѣнія, повліяли ближайшимъ образомъ и на рѣшеніе его судьбы, когда возникло дѣло по протесту его относительно церковныхъ имуществъ. Считаемъ поэтому не лишнимъ привести этотъ документъ въ полномъ составѣ.

„Архіерей ростовскій Арсеній! Всепресвѣтлѣйшая, самодержавнѣйшая великая государыня императрица Елисавета Петровна имяннымъ своимъ указомъ сего августа 12-го дня повелѣтъ сонзволгла, и во исполненіе того ея императорскаго величества указа, св. синодъ приказали: за ниже изображенныя твои продерзости и противныя Ея И. В-ва указамъ поступки учинить тебѣ выговоръ, а именно: понеже по вѣдѣнію правительствующаго сената въ св. синодѣ апрѣля сего 13-го числа опредѣлено и посланнымъ къ тебѣ Ея И. В-ва указомъ оного-жь апрѣля 18-го числа повелѣнно, чтобы ты впредь показаннымъ въ томъ сенатскомъ вѣдѣніи происшедшихъ отъ тебя письменно поносительныхъ словъ въ доношеніяхъ и во всякихъ письменныхъ корреспонденціяхъ отнюдь не употреблялъ, подѣ опасеніемъ показаннаго въ 55-й генеральнаго регламента главѣ штрафа; но ты оное высочайшее блаженныя и вѣчно достойныя памяти государя императора Петра Великаго установленіе послѣдовательно же и дражайшія Ея И. В-ва дщери, нашея всемилостивѣйшія государыни о всецѣломъ и нерушимомъ во всѣхъ російскаго государства правительствахъ отъ его, государя императора Петра Великаго, установленныхъ регламентовъ и указовъ храненіи, высочайшіе указы безстрастіемъ своимъ явил

презирая, не точію, чтобы тебѣ съ какими другими подобночинными тебѣ лица надлежащія корреспонденціи, не повреждая чести ихъ никакими ругательными и ноносительными словами, имѣть, но и къ высшей своей командѣ, а именно на посланный къ тебѣ, по доношенію тайной канцеляріи, о приемѣ въ монастырь нѣкоего извѣстнаго тебѣ во изумленіи показаннаго колодника іюня 17-го указъ въ отпращенномъ къ лицу св. синода іюля отъ 15-го доношеніи своемъ дерзнулъ между прочаго написать весьма дерзостно и уразительно, какъ бы къ некоему подчиненному лицу, съ крайне надменною злобою, а именно, что св. синодъ объ ономъ въ изумленіи показанномъ колодникѣ опредѣленіе зѣло яко бы неосмотрительное и дерзостное (учинилъ?), и выводилъ ты оныя свои рѣчи доказаніями не только истиннѣ, но и твоей самой совѣсти противными, и будто бы отъ ревности Божіей, но весьма не по разуму, и яко бы св. синодъ то опредѣленіе учинилъ въ опроверженіе указу блаженнаго и вѣчно-достоиннаго памяти государя Петра Великаго прошлаго 1723 г. въ сентябрѣ мѣсяцѣ, и будто-жъ бы въ противность указа нынѣ благополучно государствующія Ея И. В-ва прошлаго 1741 года декабря 12-го, и то ты написалъ весьма ложно и употребляя самъ крайней дерзости и высочайшимъ монаршимъ указамъ противности. А святѣйшій синодъ онымъ своимъ опредѣленіемъ никакого, какъ означенному государя Петра Великаго 1723 г. указу опроверженія, такъ и всемилостивѣйшія наша государыни 1741 г. указу-жъ въ противность ничего не дѣлалъ, но точно отъ высочайшихъ Е. И. В-ва Петра Великаго сукцессоровъ, о приемѣ пакн изумленныхъ въ монастыри состоявшихся имянныхъ указовъ, собою, безъ собственнаго Е. И. В-ва соизволенія отмѣнить не дерзнулъ и дерзать не могъ, понеже въ состоявшемся Ея И. В-ва именномъ декабря 12-го 1741 г. указѣ изображено, что Ея И. В. матери, государыни императрицы Екатерины Алексѣевны и по ней престоломъ российскимъ владѣющихъ не отрѣшаетъ, а какъ указы съ настоящимъ временемъ не сходны, о тѣхъ велѣно, учиня особый реэстръ и объясня, для чего имѣютъ быть отставлены, объявить Ея И. В-ву, а не иному кому собою оныя отмѣнять; а показаннаго изумленнаго отъ св. синода повелѣно было въ монастыри принимать по силѣ помянутыхъ имянныхъ указовъ, а не собственно ако-бы новымъ какимъ самовольнымъ опредѣленіемъ. А въ вышепомянутой генеральнаго регламента 55-й главѣ напечатано: объявляется всѣмъ и каждому, чтобы никто ругательными словами коллегіи касаться не дерзалъ,—который противъ рѣшенія и поступковъ коллегіи у Е. И. В-ва ревизіи или милости просить намѣренъ, то надлежитъ ему сіе съ надлежащимъ воздержаніемъ просить, а не о особахъ и самомъ су-

щемъ дѣлѣ доносить. Да и въ 1721 году января 25-го состоявшемся высочайшемъ указѣ напечатано: уставляемъ духовную коллегію... и повелѣваемъ всѣмъ вѣрнымъ подданнымъ имѣть сіе за важное и сильное правительство и у него крайнія дѣла духовныхъ управы, рѣшенія и вершенія просить и судомъ его опредѣленнымъ удовольствоваться, и указовъ его слушать, и во всемъ, подъ великимъ за ослушаніе наказаніемъ, противъ прочихъ коллегій. Да докладныхъ Е. И. В-ву отъ св. синода апрѣля 12-го 1722 года пунктовъ въ 5-мъ представлено: кто гордо презираетъ власть церковную съ великимъ соблазномъ немощныхъ братій, и тако безбожія воню издастъ,—и противъ того собственною Его И. В-ва рукою подписано: понеже синодъ въ духовномъ дѣлѣ равную власть имѣеть, какъ сенатъ, того ради респектъ и послушаніе равное отдавать ему надлежитъ, и за преступленіе—наказаніе. А о послушаніи сенату въ подлинномъ Его И. В-ва указѣ 1711 г. марта 2-го написано: всѣ, кому о томъ вѣдать надлежитъ, какъ духовнымъ, такъ и мірскимъ, военнаго и земскаго управленія вышнимъ и нижнимъ чинамъ, что мы для всегдашнихъ нашихъ въ сихъ войнахъ отлучекъ опредѣлили управительный сенатъ, которому всякъ и ихъ указамъ да будетъ послушенъ, такъ, какъ намъ самому, подъ жестокимъ наказаніемъ или смертію, по книгѣ смотря. А св. синодъ, какъ выше изображено, учрежденъ въ правленіи духовныхъ дѣлъ въ такой власти, какъ и сенатъ въ свѣтскихъ. И для того тебѣ вышеозначеннымъ Ея И. В-ва указомъ сего августа 12-го паки св. синодъ подтверждаетъ: дабы ты отъ вышеписанныхъ продерзостей отнынь конечно воздержался, и во всякихъ письменныхъ корреспонденціяхъ поступаешь, какъ вышеозначенные высочіе регламенты и Е. И. В-ва высочайшіе указы повелѣваютъ непремѣнно. А ежели ты впредь, въ подобное оному, паки будешь вступать противленіе и презорство, то яко похѣпатель добрыхъ порядковъ и общаго покоя, и яко противникъ и непріятель Ея И. В-ва воли и онаго высокаго, въ регламентахъ изображеннаго, учрежденія, не толико сана архіерейскаго, но, какъ вышеизложеннымъ указомъ объявлено, и влобука лишисься“.

Мы не имѣемъ у себя подъ руками доношеній Арсенія, вызвавшихъ столь грозный, можно сказать, безпримѣрный въ нашей церковной исторіи, указъ св. синода, хотя и не имѣемъ основаній сомнѣваться въ томъ, что негодованіе синода, выраженное въ указѣ, было до нѣкоторой степени справедливо. Одно несомнѣнно: раздраженіе св. синода противъ Арсенія, выразившееся въ этомъ указѣ, отразилось и въ томъ рѣшеніи, какое принято было св. синодомъ по дѣлу двухъ послѣднихъ его доношеній: оно помѣшало св. синоду спокойно вѣзѣ-

силь сѣлу его доводовъ противъ отобранія монастырскихъ и церковныхъ имѣній въ казну и остановиться исключительно на существѣ дѣла, а не на одномъ лишь способѣ изложенія этихъ доводовъ, по тону живо напоминавшаго тонъ его прежнихъ доношеній. Въ постановленіи св. синода по дѣлу Арсенія сказано: „по указу Ея И. В-ва св. синодъ, слушавъ производимаго о ростовскомъ митрополитѣ Арсеніи дѣла и произведенныхъ ему сего апрѣля 1-го предъ собраніемъ синода по вопроснымъ пунктамъ и вторичнаго 5-го числа допросовъ и учиненной изъ присутствующихъ къ сему дѣлу св. отецъ правилъ и указовъ выписки и по всему тому довольное имѣвъ разсужденіе, что оный митрополитъ Арсеній въ оскорбленіи Ея И. В-ва безъ всякаго извиненія виновнымъ оказывается, тѣмъ именно, что въ противность слова Божія и апостольскихъ преданій и презира свою архіерейскую и генеральную присяги и въ противность государственныхъ узаконеній на имяныя Ея И. В-ва въ 1762 и 1763 годахъ состоявшіеся о церковныхъ имѣніяхъ указы, присланными въ синодъ своими доношеніями таковыя учинилъ возраженія, которыя единственно до оскорбленія Ея И. В-ва слѣдуютъ, приводя въ оныхъ изъ многихъ словъ св. писанія и изъ нѣкоторыхъ книгъ превратныя толкованія, съ самымъ оныхъ словъ разумомъ и силою отнюдь несохдственныя, а именно: 1) яко бы разсланныя изъ синода въ силу упомянутыхъ высочайшихъ указовъ въ дома архіерейскіе и монастыри приходныя и расходныя книги не токмо архіереямъ, начальнымъ пастырямъ, но и всему духовному чину тягость несносная и нивогда же слышанная, и съ словомъ Божиимъ и закономъ не очень сходная; 2) что-де отъ временъ апостольскихъ всегда были имѣнія церковныя никому не подчинены, токмо единымъ апостоламъ, а послѣ нихъ архіереямъ, на едину волю и разсмотрѣніе ихъ оставлены, приводя къ тому изъ священнаго писанія явительныя примѣры и прещенія, яко Ананію и Сапфиру и самаго Іуду; 3) сверхъ же онаго такое свое мнѣніе полагаетъ, что-де никто же долженъ имѣніе отъ нихъ отбирать и на свое употреблять, отобранное же долженъ непремѣнно возвращать, а нынѣ-де не только возвращать не думаютъ, но и до послѣдняго взять, какъ-де было сдѣлано предъ симъ въ бывшее правленіе, и отниматель-де первый церковныхъ имѣній—царь Юліанъ Отступникъ, а отъ временъ князя Владиміра не только во время царствованія благочестивыхъ царей, но и во времена татарскія имѣлись свободны церковныя имѣнія; 4) хоти-де Мусина-Пушкина бывшее домамъ архіерейскимъ и монастырямъ заопредѣленіе поганскій обычай превосходило, однако-де церковь и бѣдные архіереи за нужду необходимую терпѣть уже было привыкли; понеже-де, что дано, о томъ не

истязовано, а книгѣ-де архіерейства бѣднаго узникѣ и богадѣ-ленникѣ — счастливѣйшій, и такое-де мучительство не отъ шганѣ, но отъ своихъ мящихъ быти овецъ правовѣрныхъ претерпѣ-ваемъ,—каковыя слова и примѣры явнымъ суть доказательствомъ, что онныя совсѣмъ развращенно и дерзко имъ къ тому приведены и истолкованы; 5) не оставилъ оннй митрополитъ и о семинаріяхъ изъ-явить, будто имъ и быть не нужно, ибо-де какимъ иждивеніемъ ака-демин заводить, когда-де послѣднее проницаніе отъ архіереевъ и мо-настырей отъемлется, заключая притомъ о проповѣдникахъ, что-де церкви умножать и порядки содержать надлежить, а у насъ-де та-ковой плодъ и въ думку не приходитъ, егда мнози изволятъ лучше кормить собакъ, нежели священниковъ и монаховъ, и усматриваютъ, дабы за церквами и монастырями имѣнія лишняго отнюдь не было, а подъ видомъ-де излишества и послѣднее отъемлютъ; 6) приводитъ же еще изъ Баронія исторіи о разореніи Франціи, что будто Богъ на нихъ прогнѣвался за кощунствіе церковныхъ имѣній, и что мирстн духовныя дѣла судили, а о постриженіи въ монашество такъ заклю-чаетъ, что-де теперь желателей постриженія насилу изыщеть, а послѣ-де негдѣ будетъ и взять, а безъ монашества не откуда быть архіереямъ,—сохрани-де Богъ такового случая, дабы нашему государ-ству быть безъ архіереевъ,—что-де не иное что воспослѣдуетъ, токмо отъ церкви отступление, понеже возымѣется нужда быть прежде во-повницѣ, послѣ-же безповолицѣ, и тако де нашему государству пе-реходить будетъ на раскольническое или лютеранское или палисти-ческое или атеистическое государство; 7) хотя же то доношеніе и окончено тѣмъ, что яко-бы все то писать и отъ слова Божія и закона предлагать не иная причина его привела, токмо ревность по Божѣ и законѣ Божиємъ, въ манифестахъ и указахъ довольно изображенная; аще-же-де возымѣется въ томъ его погрѣшность, просить о проше-ніи, но онаго ни за каковой ревоизъ почестъ невозможно, ибо не только на имянныя Ея И. В-ва указы, но и на повелѣнія своей команды ни каковыхъ, колыми паче явительныхъ представленій чинить подъ нап-тягчайшимъ штрафомъ запрещено, да и таковой причины, чтобы вышеозначенное возраженіе съ такою дерзкою отвагою выдумывать и яко-бы подъ образомъ ревности представлять ему, митрополиту, да и никому отнюдь не было и нѣтъ; 8) что же касается до его вторичнаго доношенія, то и въ ономъ тажъ самая его дерзость заключается, ибо онъ, не удовлетворяясь означеннымъ на состоявшіеся о учиненіи оберъ-офицерамъ, архіерейскимъ домамъ и монастырямъ описей указы, та-кожъ изъ нѣкоторыхъ книгъ развращенныя, по своему разумѣнію, рѣчи привелъ, что будто за малое время можетъ благочестіе у насъ изве-

стися и слѣда ему не останется; 9) хотя же онъ на допросѣ показаль, что яко-бы въ тѣхъ своихъ доношеніяхъ ко оскорбленію Ея И. В-ва ничего быть не уповаль, а все-де то писалъ по ревности и совѣсти, и того ради всемирениѣйше припадая къ стопамъ Ея И. В-ва просить прощенія; но оное его показаніе не истинное, ибо канцеляристъ Жуковъ на допросѣ объявилъ, что отъ него съ вышеозначенныхъ доношеніевъ посланы въ Москву къ нѣкоторымъ знатымъ двумъ персонамъ копія, о чемъ онъ, митрополитъ, при вторичномъ допросѣ объявляль о томъ свое безпамятство, а потомъ показаль, что таковыя копія къ упомянутымъ персонамъ отъ него посланы были съ тѣмъ, чтобы они о тѣхъ доношеніяхъ, если оныя не представлятъ, представили Ея И. В-ву и хотя точно упомянуть не можетъ, а о употребленіи тѣмъ персонамъ въ защищеніе или въ пользу церкви святой старанія—въ писмахъ къ нимъ было; 10) о чинимомъ имъ, митрополитомъ, въ нынѣшнемъ году, въ недѣлю православія, пополнительномъ чиноположеніи показаль, что въ ономъ ничего къ оскорбленію Ея И. В-ва не заключается, а сочиняль-де изъ древнихъ чиноположеній, изъ коихъ въ ономъ грабители церковнаго имѣнія потому внесены, что многія не токмо монастырскія, но и церковныя земли отымають, а суда на нихъ съискать невозможно. И хотя въ ономъ подлинномъ, взятомъ изъ Ростова пополнительномъ чиноположеніи включенная клятва съ прежнимъ въ 150 рукописнымъ, а не печатнымъ экземпляромъ и сходственна, однако съ прибавкою нѣкоторыхъ рѣчей. Но понеже оной въ недѣлю православія церемоніи во все свое архіерейство не чинилъ, а только въ семь году, и къ костромскому епископу копію упредительно для того же послаль, то и та, включенная въ ономъ церемоніалѣ на обидчиковъ св. церкви клятва не къ чему иному клонится, точію къ тому, какъ и вышеозначенныя доношенія. А сверхъ того и другія перемѣны по своему мудрованію въ томъ чиноположеніи онъ учинилъ безъ вѣдома синода, чего ему, по архіерейской присягѣ, чинить не надлежало. Затѣмъ выводятся на справку вины Арсенія, подробно изложенныя въ приведенномъ выше выговорѣ ему, и затѣмъ заключается этотъ обвинительный актъ такимъ образомъ. „Того ради приговорили: онаго митрополита Арсенія, яко уже и прежде въ немалыхъ противу узаконенныхъ государственныхъ правъ преступленіяхъ, а нынѣ и наипаче въ тяжкомъ и оскорбительномъ ея императорскому величеству, также архіерейской и генеральной присягѣ и всѣхъ государственныхъ узаконеній преступничествѣ оказавшагося, за тѣ его тяжкія вины и преступничества, въ силу апост. 84 правила, архіерейства, а по его, на въ 743 году учиненномъ ему выговорѣ, подпискѣ, и клубука лишить, и

послать въ отдаленный монастырь на крѣпкое смотрѣніе, и бумаги и чернилъ ему не давать, что-бъ и учинить съ нимъ синоду слѣдовало. Но какъ Ея И. В-ва указомъ повелѣно синоду, назнача по суду сентенцію, представить Ея И. В-ву для конфирмаціи, то синодъ, безъ особливаго Ея И. В-ва повелѣнія, учинить сего не смѣетъ. А яко тотъ митрополитъ Арсеній, по гражданскимъ правамъ, еще и жесточайшему за то свое преступничество осужденію подлежитъ, то, какъ и о просимомъ имъ прощеніи и помилованіи, предать въ высочайшую Ея И. В-ва волю, ибо синодъ по однимъ только духовнымъ правамъ означенный тому митрополиту судъ и по оному свою сентенцію учинилъ, и для того сіе синодальное опредѣленіе въ оригиналъ къ высочайшему благоусмотрѣнію и конфирмаціи представить ея императорскому величеству при всенодданнѣйшемъ докладѣ, въ которомъ упомянуть, что и о бывшей у того митрополита съ костромскимъ епископомъ и съ другими о той матеріи корреспонденціи въ синодѣ слѣдуется, и что по слѣдствію окажется, о томъ ея императорскому величеству донесеніе быть имѣетъ впродъ“.

Резолюція Екатерины II-й по дѣлу Арсенія извѣстна. Апрѣля 14-го „въ половинѣ девятаго по полуночи“, въ обычное присутствіе св. синода, состоявшее изъ преосвященныхъ Дмитрія новгородскаго, Тимофея московскаго, Гавріила с.-петербургскаго, Гедеона псковскаго, Амвросія крутицкаго, Афанасія тверскаго и архимандрита новоспасскаго Мисаила, были допущены преосвященные Сильвестръ переяславскій и Тихонъ воронежскій, архимандриты монастырей: Донскаго Варлаамъ, Симонова — Гавріилъ, Высокопетровскаго — Сильвестръ и Законоспасскаго — Гавріилъ и, по прочтеніи оберъ-секретаремъ Остолоповымъ указа св. синода въ окончательной формѣ, съ Арсенія синодальнымъ ризничимъ, іеромонахомъ Гавріиломъ, сняты были мантия, панатія и бѣлый клубукъ и отобранъ посохъ.

Н. Изъ Варсовъ.